

АНДРЕЙ СТОЕВ

The background of the book cover is a detailed illustration of an ancient city at sunset. In the foreground, a person with long dark hair, wearing a dark robe, stands on a stone ledge, looking out over the city. The city is filled with classical architecture, including a large temple with a blue dome and many columns. The sun is low on the horizon, casting a warm orange glow over the scene. The sky is filled with dramatic, orange-tinted clouds. The overall mood is epic and historical.

ЗА ПОСЛЕДНИМ ПОРОГОМ

ВЕТРЫ ЗАПАДА

★ КНИГА 2

Литрес

За последним порогом

Андрей Стоеv

**За последним порогом.
Ветры Запада 2**

«Автор»

2024

Стоев А.

За последним порогом. Ветры Запада 2 / А. Стоев — «Автор»,
2024 — (За последним порогом)

Десятая книга цикла.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Стоев

За последним порогом. Ветры Запада 2

Глава 1

– Арди, подожди! – услышали мы, когда миновали ворота Академиума и двинулись к зданию факультета.

Мы оглянулись и обнаружили спешащую к нам Мину Золотову.

– Здравствуй, Мина, – поздоровался я, а Ленка просто кивнула, с любопытством на неё глядя.

– Я хотела с тобой сразу после сессии поговорить, но мне сказали, что ты уже уехал, – заявила Мина, непринуждённо пропустив этап приветствий. – А в представительстве семейства сказали, что не знают, когда ты вернёшься. Сказали изложить своё дело в письменном виде и подать просьбу о личном приёме.

– Вообще-то, именно таким образом ко мне на приём и попадают, – пожал плечами я. – Секретарь знакомится с делом и решает, нужно ли мне встречаться с посетителем. Собственно, к любому главе семейства не зайдёшь просто так с улицы. Ты чего-то другого ожидала?

– И что, когда стану у вас служить, я так же буду тебе просьбу о приёме подавать? – насупилась она.

– Нет, Мина, – улыбнулся я. – Вряд ли тебе придётся это делать. Ты будешь подавать рапорт сотнику. Если он не сможет решить твою проблему, он отправит тебя на рапорт к командиру полка, ну и так далее. Ко мне ты попадёшь, только если командир дружины посчитает это необходимым. И не надо так надуваться, это армия, а не дружеская компания, там так принято. Да и не только в армии.

Возможно, я зря с самого начала позволил такое демократичное к себе отношение. Умные, вроде Дары, прекрасно понимают разницу между мной-студентом и мной-начальником, но в Академиуме, как и везде, далеко не все умные.

– Ну вот ты меня, наконец, нашла, – напомнил я. – Зачем я тебе был нужен?

– Это насчёт того турнира, – она с некоторым трудом вернулась к теме разговора. – Насчёт того, что меня признали лучшим командиром вместо тебя. Я считаю, что это было несправедливым решением, и его надо пересмотреть.

Вот интересно – зачем она мне это сообщает? Хочет набрать у меня очки, демонстрируя свои высокие принципы? От Ленки тоже пришло чувство скепсиса – она гораздо больше меня верит людям, но здесь и она засомневалась.

– Допустим, несправедливое, – согласился я, – но мне-то ты это зачем говоришь? Я такой же студент, как и ты, и подобные вопросы не решаю. С этим надо в деканат обращаться.

– Я туда и обращалась, – хмуро сказала Мина. – Сказала, что отказываюсь от первого места в твою пользу. Но декан ответил, что без тебя никто пересматривать результат не будет.

Ну, может, она и в самом деле человек высокой морали. Понятно, почему декан захотел узнать мою позицию по этому вопросу – после того скандала с нашими экзаменами они до сих пор чихнуть в нашу сторону боятся.

– Так от меня-то что требуется?

– Всего лишь твоё согласие на пересмотр результата, – ответила она. – Тогда деканат соберёт комиссию и будет с этим разбираться.

– Нет, Мина, – мягко сказал я. – Приятно видеть, что у тебя есть моральные принципы, но я такого согласия дать не могу. Пытаться высудить себе первенство будет недостойным поступком и уроном чести, а главное – я считаю, что решение Менски было справедливым.

– Это ещё почему оно справедливое? – поразилась она.

Не будь у неё подписан с нами контракт, я, возможно, не стал бы терять время на объяснения. Но к своим сотрудникам у меня всё же другое отношение, да и вообще – почему бы и не объяснить? От меня не убудет.

– Понимаешь, мне поначалу это тоже показалось не совсем справедливым. Но потом я подумал над словами Генриха, а ещё Драгана Ивлич дала кое-какие намёки, и я понял, что Менски решил совершенно правильно. Вот скажи – в чём состоит наша конечная цель?

– Стать Владеющими? – предположила Мина.

– Это само собой, но я говорю о конечной цели.

– Нуу... стать Высшими?

– Совершенно верно, – кивнул я. – Наша конечная цель – возвышение. А теперь скажи – ты когда-нибудь видела, чтобы Высшие командовали какими-то подразделениями?

– Я вообще Высших в глаза не видела, – хмуро ответила она. – Только слышала, что такие есть, а что и как они делают, мне никто не рассказывал.

– А, ну да, – несколько смутился я. – В общем, они не командуют. Возвышение – это индивидуальный процесс, и все Высшие – индивидуалисты. Они не особенно позволяют собой командовать, и сами неохотно берут на себя руководство. Только из чувства долга, ну, или если им некуда деваться, – добавил я, вспомнив киевских гражданок. – Владеющие, кстати, и в армии не командуют самостоятельными подразделениями, они всегда работают исключительно как поддержка. Вот именно поэтому ни Академиум, ни Круг Силы не интересуются нашими лидерскими качествами. Они в числе прочего оценивают нашу способность командовать, но для Академиума и Круга эта способность не значит ровным счётом ничего. Для них это совершенно неважно.

– А что для них важно?

– Воля. Интуиция. Удача. В военном училище победу отдали бы мне без всяких сомнений, но для Академиума твоя воля и удача перевесила все мои успехи как командира. Да и сказать по правде, не было там особых успехов, командовал я посредственно. Совершенно не имело смысла посылать вас отвлекать вторую группу. Как Владеющему, интуиция должна была мне подсказать, что вторая группа испугается и сбежит, и что нам нужно идти прямо через перешеек. Как военный, я должен был просто форсировать болото и обойти вторую группу без всяких отвлекающих манёвров. С любой точки зрения нужно было просто пометить вас и не тратить время на замысловатые планы. Но я не стал поступать ни как Владеющий, ни как военный, взялся усложнять без необходимости, и результат оказался в лучшем случае удовлетворительным.

– То есть тебя устраивает, что первое место отдали мне? – судя по голосу, она была здорово сбита с толку.

– Устраивает, – подтвердил я. – К твоим действиям тоже можно придраться, конечно, но ты заслужила первое место больше, чем я. В общем, выброси это из головы. Лучше скажи – ты смотрела расписание? Что у нас сейчас будет – речь ректора?

– Речь ректора для первокурсников, а перед нами-то зачем ему распинаться? – фыркнула Мина. – У нашего курса первой идёт боевая практика.

– Даже так? – удивился я. – Прямо с колёс и в бой?

– Всё, я побежала к нашим, – объявила Мина. – Наша Эмма, говорят, из-за того турнира совсем озверела, к ней лучше пораньше прийти. С последним она всегда сама дерётся.

Мы задумчиво посмотрели ей вслед, когда она стремительно понеслась в сторону своего дуэльного зала.

– Значит, препода решили третью группу немного подтянуть, – отметил я. – Вообще-то, им это нужно, на турнире они меня как-то совсем не впечатлили. Про вторую группу вообще молчу.

– Они, конечно, коровы, – хмыкнула Ленка, – но ты лучше подумай о том, не собрались ли препода заодно и нас подтянуть. Пойдём-ка в зал, что-то я тоже не хочу последней приходить.

* * *

Мы всё-таки пришли последними.

– Ну вот и Арди явились, наконец, – язвительно объявил Генрих. – Спасибо вам за ваш визит.

– До начала занятий ещё семь минут, наставник, – невозмутимо заметил я.

– Предлагаешь подождать эти семь минут?

– Всего лишь предлагаю не намекать на наше опоздание.

Генрих покрутил головой, но продолжать не стал. Впрочем, в эмоциях у него был полный штиль – придраться он решил исключительно для поддержания студентов в тонусе.

– Ладно, раз все собрались, то и приступим, – объявил он. – Раньше начнём – больше успеем. Вы стали старшекурсниками – вот и молодцы, речь я произносить не буду, пусть этим ректор занимается. Скажу только одно: учебная программа сейчас сильно меняется, и конструкторы мы с вами будем отрабатывать по-настоящему летальные. Советую отнестись к этому очень серьёзно – целительница может многое, но далеко не всё. Ну, не маленькие, сами должны соображать.

– Если позволите вопрос, наставник, – подал голос я. – Вы имеете в виду просто изменения по сравнению с третьим курсом или какую-то реформу программы обучения?

– Начинается большая реформа, – подтвердил Менски. – Князь выразил недоумение недостаточной подготовкой Владеющих, Круг Силы подготовил обновлённые требования, и Академиум начал разработку новых учебных программ. Всё пока ещё в процессе, но уже ясно, что боевая практика будет увеличена, а некоторые теоретические предметы переведут в разряд факультативных.

Вот и результат разборки с Греками – всё, что наворотила Киса вместе с обществом Симона Кананита, начинает понемногу отменяться. Думаю, дело не ограничивается одним Академиумом – наверняка сейчас начинают меняться и школьные программы, да и на деятельность храмов княжьи люди тоже посмотрят придирчивым взглядом.

– А кстати, наставник, вы не знаете, кто сейчас руководит Приказом дел духовных? – вдруг пришла мне в голову мысль.

– Раньше там была Мариэтта Киса, но она вроде куда-то подевалась, – с удивлением посмотрел на меня Менски. – Не знаю, кто там сейчас руководит. А что?

– Да нет, ничего, – отрицательно покачал головой я. – Просто вспомнилось, раз уж зашла речь о реформе образования.

Стало быть, Менски, наконец, вспомнил Мариэтту Кису, а значит, волны вероятности уже успокоились. Кису помнили слишком много значительных личностей, так что стереть её из мира бесследно не вышло. Интересно будет узнать, куда же она подевалась в ветке, которая стала реальностью, но насчёт этого нужно спрашивать не Генриха.

– Одним словом, боевая практика у вас становится основным предметом, и заниматься мы станем гораздо интенсивнее, чем раньше, – жизнерадостно подытожил Генрих. Студенты, однако, его радость явно не поддерживали. – Заодно хочу сразу отметить, что семья Арди будет заниматься по немного изменённой программе, и тестового коридора у них на экзамене не будет.

– За какие такие заслуги их от коридора освободили? – негромко буркнул Иван.

Сказал он это негромко, но Менски услышал и уставился на Ивана тяжёлым взглядом. Молчание затянулось, и Ваня начал чувствовать себя неуютно. Ванино выступление было, конечно, совсем не к месту, но меня оно ничуть не удивило – я давно уже понял, что Иван

относится к той немаленькой категории людей, которые в каждом событии видят исключительно отрицательную сторону – хотя надо заметить, что это почему-то не мешает им получать от жизни удовольствие. Из тех, которые поактивнее, получается нелюбимая начальством оппозиция, но большинство, вроде нашего Вани, ограничиваются бурчанием и фиггой в кармане. Ивана, правда, от этого практически уже отучили, но рецидивы изредка случаются.

– А ведь я могу и тебя от коридора освободить, Сельков, – мягко сказал Генрих. – Будешь сдавать экзамен так же, как они. Хочешь?

Иван неловко заёрзал на скамейке, чувствуя серьёзный подвох.

– Так ты хочешь или нет, Сельков? – по-прежнему обманчиво мягко настаивал Менски.

– Не хочу, – выдал из себя Иван.

– Значит, какой-то минимум мозгов у тебя всё-таки имеется, – с удовлетворением отметил Генрих. – Ради первого занятия я сделаю вид, что ничего не слышал, но если ты ещё раз выскажешься таким образом, то я тебе устрою сдачу экзамена вместе с Арди. Они такой экзамен переживут, а вот насчёт тебя я очень не уверен, так что думай, прежде чем разевать рот.

Меня его уверенность, что мы сможем экзамен пережить, скорее напрягла, чем обрадовала. Я мельком взглянул на Ленку – она оставалась совершенно равнодушной. То ли по своей обычной невозмутимости самурая, то ли была, как всегда, уверена, что я решу все проблемы.

– Если это не секрет, наставник – как именно у нас будет проходить экзамен? – не выдержал я.

– Будете драться сразу с тремя преподавателями, – объяснил Генрих с многообещающей улыбкой.

– А вы уверены, что нам будет по силам справиться сразу с вами тремя? – слегка удивился я.

– Захотите сдать – справитесь, – с явным удовольствием заявил тот, и Ленка презрительно фыркнула.

– Это, конечно, стимул, – согласился я. – А мы будем сдавать вдвоём или по одному?

– Интересная мысль, – задумчиво сказал Генрих. – Вдвоём вы должны быть очень интересным противником. Ладно, ближе к делу решим. Собственно, дело в том, – всё же решил он объяснить, – что вас бесполезно проводить по коридору. Он слишком негибкий – вы сразу подстраиваетесь под его шаблон, а дальше идёте, как на прогулке. Зато в поединке мы сможем гораздо точнее оценить ваши возможности. Собственно, никакого другого подходящего варианта для вас мы так и не сумели найти.

– Но нам коридор всё равно полезен, – заметил я.

– Так никто вас этого не лишает. На четвёртом курсе студенты его регулярно проходят, и вы тоже будете проходить вместе со всеми. Просто в качестве экзамена он для вас не подходит. Ну ладно, хватит разговоров, давайте немного подерёмся, взбодримся после каникул. Я с Арди, а Менцева со всеми Сельковыми сразу.

* * *

Я сидел на земле, тряся головой. В глазах всё ещё плыло, но дурнота понемногу проходила.

– Давай вставай, Арди, я вижу, что ты уже в порядке, – как бы со стороны донёсся голос Генриха. – Расслабился ты за лето, а ведь тренировки бросать нельзя, тренироваться надо постоянно.

Я неуверенно, но всё же смог подняться на ноги.

– Я даже не понял, чем вы меня так приложили, наставник, – пожаловался я.

– Ещё поймёшь, – добродушно пообещал Генрих. – Ты этот трюк будешь часто видеть, раз уж он так хорошо работает. А между прочим, у твоей жены гораздо лучше получается.

Я посмотрел в сторону Ленки. Она расслабленно стояла, наблюдая за девчонками, которые помогали подняться Ивану. Сами они на ногах стояли нетвёрдо, так что скорее мешали ему своей суетой, чем помогали.

– Ну хватит придуливаться, – распорядился Генрих. – Давайте двигайтесь потихоньку все на улицу, немного побегаем-попрыгаем. Арди, – обратился он внимание на меня, – ты как? В состоянии бегать?

– Через несколько минут буду в состоянии, – отозвался я покачиваясь и не очень успешно пытаюсь избавиться от плывущих в глазах цветных пятен. – А скажите, наставник, что вы сами думаете о нашей новой программе?

– Трудно сказать, – неожиданно серьёзно ответил Менски, провожая глазами студентов. – Любое нововведение поначалу всегда кажется хуже привычного. Мне, к примеру, не нравится сокращение теоретических предметов – для того, чтобы нормально развиваться, нужно иметь достаточно широкий кругозор, одного мордобоя недостаточно. С другой стороны – а многие ли хотят развиваться? Те, кто действительно хотят, будут заниматься факультативно, а остальным и этого хватит. В общем, через год-другой посмотрим, а пока рано делать выводы.

– А Владеющие нашей дружины хотят развиваться?

– Да как и везде, большей частью не хотят, – Генрих задумался, пытаюсь сформулировать ответ. – Хотя если сравнивать, то у вас ещё неплохо. Если говорить конкретно, то, например, Земец уже может аттестоваться на Старшую.

– Марина пока не готова, – коротко сказал я.

– Да? – он с сомнением посмотрел на меня.

– Не смотрите на меня так, наставник, – с лёгким раздражением сказал я. – Если вы подумали, что мы как-то препятствуем ей аттестоваться, то вы ошибаетесь. Я вам уже говорил, что мы поощряем личный рост, и это действительно так. Марина в самом деле пока не готова.

– Ну, возможно, и не готова, – не стал спорить он. – Лада Дорохова пока до Старшей не дотягивает, но наверняка скоро дотянет. Она неплохо подросла. Вот только что у неё, что у Земца, в головах непонятно что творится. Хотя может быть, это и есть их путь к возвышению.

– Путь дурости, – проворчал я.

– Это точно, – хохотнул Генрих. – Возвышение через дурость. Довольно популярный путь, кстати. Рассказывали мне шёпотом кое-какие истории про кое-кого из тех, кто сейчас наверху.

В голову сразу приходит Драгана Ивлич, вот у кого уж дурости хватало. Насколько я понял, Алина её немного сдерживала, а то историй было бы намного больше. Хотя у Алины и своей дурости было в достатке.

– Кажется, с некоторыми из героев этих историй я даже знаком, – заметил я, а Генрих понимающе усмехнулся.

– В общем, я советую эту парочку в линейных частях не держать, – продолжал он. – Для обычной службы они не очень подходят. Из остальных ещё можно отметить рыжую. Способностей у неё поменьше, зато упорства хватит на двоих. И с дисциплиной у неё всё в порядке.

– Вы про Марту Кох? – уточнил я, и Менски кивнул.

– Она тоже далеко пойдёт, а может даже, очень далеко. Ещё парочка девиц может себя как-то проявить, а остальные возьмут ещё один-два ранга, и на этом всё. В общем-то, я это мог и с самого начала сказать, я же всех их с Академиума помню. Ничего не изменилось, никто меня не смог удивить. Однако я бы посоветовал вам в самом скором времени найти им всем занятие – безделье плохо действует на Владеющих. Мы их ещё как-то занимали, но вообще им нужно настоящее дело.

– С настоящим делом проблем как раз не будет, – с досадой сказал я. – Дружина в полном составе уезжает в империю.

– Собрались там повоевать? – удивился Генрих.

– Надеюсь, не придётся, – вздохнул я. – Но если придётся, то там будет горячо.

– Отказаться не было возможности? – понимающе спросил он, и я просто кивнул. – Может быть, я смогу немного помочь советом.

Я вопросительно на него посмотрел.

– Мне довелось воевать в империи, – коротко объяснил Генрих.

– Разве вы не всё время преподавали? – поразился я.

– Каждые семь лет преподаватель может взять академический отпуск на год для ведения самостоятельной научной работы.

– И вы вели научную работу в составе какого-то отряда? – догадался я.

– Именно так, именно научную, – усмехнулся Менски. – Имперцы очень редко нанимают наших бойцов, так что у нас мало кто с ними сталкивался, но мне вот повезло как следует там повоевать. У нас их часто оценивают очень неправильно – считают, что раз у них мало Владеющих, то случись нам с ними столкнуться, мы их будем гонять пинками. Владеющих у них действительно поменьше, но гонять их не выйдет – они достаточно неплохо умеют с Владеющими бороться. В основном артиллерией – например, они как-то засыпали нас маленькими минами с дистанционным подрывом, мы в горячке боя даже не поняли, что это такое. И пока мы были заняты отражением снарядов и подавлением артиллерии, они эти мины вокруг нас подорвали. Мы тогда потеряли двоих, а меня ранило. Да много у них способов – они нашу тактику и методику борьбы с Владеющими в военных училищах проходят. У нас княжеские офицеры их тактику тоже изучают, но обычные отряды об имперцах редко хоть что-то знают.

Неожиданно, хотя если подумать, то как же иначе? Нужно быть совсем уж тупым, чтобы считать противника дурней себя. Совсем неудивительно, что они давно задумались о том, как бороться с нашими Владеющими, а способов можно придумать много. Да даже Высшие, как я уже выяснил, вовсе не абсолютное оружие.

– У нас на вооружении стоят в основном гаубицы, а имперцы любят стрелять и прямой наводкой, обычно из засады. Мы тогда и опомниться не успели, как у нас от группы из пяти Владеющих осталось двое мёртвых и трое раненых. После того мы, конечно, уже серьёзнее к имперцам относились, и боролись с ними поуспешнее, но всё равно легко там не было.

– Буду очень признателен за помощь, – с благодарностью сказал я. – Я скажу Лазовичу, чтобы он с вами связался – проведите, пожалуйста, занятие для наших офицеров.

Глава 2

Я давно уже получил разрешение заезжать к Ренским на машине без досмотра, но по-прежнему ходил к ним пешком. Во-первых, пешие прогулки вообще полезны, а во-вторых, мне просто хотелось держать некоторую дистанцию, чтобы никто, я сам в том числе, не забывал, что я всё-таки не Ренский.

Как всегда в последнее время, я остановился на минутку полюбоваться забором. За прошедшее лето мастера успели полностью отделать саженой двадцать и начали выкладывать изразцы на следующей паре пролётов. В общем, не пройдёт и тридцати лет, как сюда начнут водить туристов... впрочем, туристов вполне можно водить и сейчас, турист – существо неприятное, ему можно показывать вообще что угодно, да и продавать тоже.

Я привычно поздоровался с охраной.

– Выясните, где я могу найти сиятельную Стефу, – распорядился я.

Я с лёгким интересом отметил, что у дежурного не возникло ни малейших сомнений в моём праве отдавать распоряжения. Он немедленно схватился за трубку телефона и после недолгих переговоров доложил:

– Сиятельная Стефа в настоящее время находится у Матери.

Не очень удачно. Хотя почему же неудачно? Нужно бросать эту привычку шарахаться от Ольги, сколько можно, в самом деле?

– Ну что же, – я пожал плечами, – сообщите сиятельной Ольге, что я направляюсь к ней.

Секретарша Ольги с улыбкой кивнула на дверь кабинета:

– Заходите, господин Кеннер, Мать будет рада вас видеть.

Как ни удивительно, Ольга, похоже, и в самом деле была рада меня видеть. Во всяком случае, улыбнулась она мне вполне искренне и поздоровалась очень приветливо.

– Я не помешал? – деликатно спросил я. – А то как-то так получилось, что я без предупреждения ввалился.

– Не помешал, – улыбнулась Ольга. – Мы уже закончили. А с тобой всегда интересно встречаться.

– Уж точно не скучно, – смешливо фыркнула Стефа.

Они переглянулись, и Стефа спросила:

– Ты по делу, наверное?

– Да просто повидаться, давно к вам не заглядывал. Но дело небольшое тоже есть.

Обе совершенно одинаково усмехнулись.

– К тебе дело есть, – уточнил я, глядя на Стефу.

– Ко мне? – удивилась она.

– Новый учебный год начался, – с укоризной посмотрел я на неё. – Надо что-то решить с графиком наших занятий.

– Ах да, – вспомнила Стефа. – Решим, конечно же. Как началась учёба?

– Болезненно, – я поморщился при этом воспоминании.

– Да, я слышала, что боевую практику резко увеличили, – кивнула Стефа.

– Максакова рьяно взялась за дело, – с ноткой презрения заметила Ольга. – Заглаживает свою дружбу с Машкой.

– Максакова? – не сразу понял я связь. – Дружбу?

– Реформа учебных программ, – пояснила Стефа. – Ты же не думал в самом деле, что мы не выясним всё про эту историю с Греками? Ты тогда оговорился, и мы поняли, что не всё там просто, вот и начали всерьёз интересоваться. А ты всё-таки мог бы нам и рассказать.

– Если бы это вам как-то угрожало, то, наверное, рассказал бы, – вздохнул я. – Или хотя бы намекнул. А просто так рассказывать... кем бы я был, если бы трепал языком на каждом углу? Хватило и того, что случайно сболтнул лишнего.

– Ладно, не бери в голову, – махнула рукой Стефа. – Мы всё понимаем и не в претензии. Кстати, ты знаешь, что Анна сейчас очень на тебя сердита?

– Анна? – непонимающе переспросил я. – Максакова?

– Нет, наша Анна из Рифейска. К ней обратились карлы с предложением продавать через нас свои сплавы и прочее. Она должна была вернуться с сыном – сын-то вернулся, а вот ей теперь приходится сидеть в Рифейске.

– А я-то тут при чём?

– Не скромничай, Кеннер, – с усмешкой сказала Ольга, включаясь в разговор. – Мы знаем, что ты предложил Анне представить это как её заслугу. Но у нас такое не принято – она доложила всё как есть, включая ваш с ней разговор. Так что мы знаем, что на самом деле это ты организовал.

– Нет, Ольга, это совсем не так, – решительно отказался я. – Да, я посоветовал карлам обратиться к вам, поскольку сам этим заниматься не мог. Но они обратились бы к вам и без моего совета – Анна у них единственный подходящий контакт в Рифейске. Так что это скорее заслуга Анны, которая сумела подружиться с Норитом.

– А почему сам не мог?

– Потому что это никак не подвести под производство, а заниматься перепродажей дворянское семейство не имеет права. Хотя такая возможность, в принципе, существовала – можно было обойти этот закон созданием определённого вида кооперативного товарищества. Так поначалу и предполагалось, но старейшины вдруг засомневались и начали тянуть время. Мы не стали дожидаться, что они там в конце концов надумают, и сделали с Кальцитом обычное товарищество, куда торговлю уже никак не втиснуть.

– Не жалеешь сейчас, что не стал дожидаться?

– Вот уж о чём я точно не жалею и жалеть не буду, – усмехнулся я. – Решение там было формально законное, но в целом несколько сомнительное. Проблема в том, что у нас и без того хватает сомнительных занятий. Зеленная лавка формально не наша, ювелирная лавка формально производство, ещё скоро добавится и торговля, которая формально не торговля. К каждому из этих дел формально не придраться, но как бы количество не перешло в качество – Дворянский совет может ведь в конце концов и решить, что у нас как-то многовато сомнительных предприятий. Вы же сами знаете, как пристально за нами наблюдают. На этом фоне ещё и торговля рифейскими сплавами мне совсем не сдалась.

– Что за торговля, которая формально не торговля? – заинтересовалась Стефа.

– Это пока секрет, – улыбнулся я.

– А что за ювелирная лавка?

– Она скоро откроется, уже и помещение подыскали. Это лавка как раз нашего с карлами товарищества, будем в ней продавать нашу совместную продукцию. Один артефакт уже почти готов, скоро выставим его на аукцион.

– Всего один артефакт?

– Пока только один, – кивнул я.

– И сколько вы за него попросите? – скептически подняла бровь Ольга. – Расходы на лавку-то сумеете окупить?

– Стартовая цена будет пятьдесят тысяч гривен, а там посмотрим, как ставки пойдут.

Сёстры онемели. Наконец, Стефа спросила:

– Не много ли просишь?

– Не для бедных безделушка, конечно, – глубокомысленно согласился я.

– Знаешь, Кеннер, – решительно сказала Ольга, – я вот себя к бедным никак не могу отнести, но я в жизни не отдам столько за какую-то побрякушку.

– Не загадывай раньше времени, – улыбнулся я. – Впрочем, с аукционом пока ещё ничего не решено – Лена подумывает выкупить это украшение для себя, по стартовой цене, конечно. Я её уговариваю этого не делать, но если уговорить не получится, то какой тогда аукцион?

– Лена хочет это купить за пятьдесят тысяч¹? – неверяще переспросила Ольга.

– Она боится, что потом цена таких артефактов сильно увеличится, – объяснил я. – Мы считаем, что цена на аукционе может дойти и до ста тысяч, а стало быть, следующий подобный артефакт уже не получится выкупить всего за полсотни. Лена, конечно, тоже не бедная, но это и для неё очень немало.

– Он нас разыгрывает, что ли? – Ольга в замешательстве обратилась к Стефе.

– Разум говорит, что разыгрывает, а сердце подсказывает, что, может быть, и нет, – с сомнением ответила Стефа. – Не знаю, Оля, раньше я не замечала в нём склонности к глупым шуткам. Возможно, он и в самом деле не шутит.

– Ну, это мы просто в качестве рекламной акции первым выставляем самое дорогое украшение, – объяснил я. – Потом планируем продавать народные вещишки, тысяч по пять-десять.

– Народные, скажешь тоже, – фыркнула Стефа. – Ну, посмотрим. Но я тебя предупреждаю, Кеннер: если ты сейчас разыграл нас, как дурочек, то ты об этом пожалеешь.

– Не разыгрывал я вас, – обиделся я. – Никогда не стал бы это делать с людьми, которых я искренне уважаю. Да и вообще нет у меня такой привычки.

– Искренне уважает он нас, – проворчала Стефа. – Ладно, хватит об этом. Лучше скажи – что там у тебя за шевеления с дружиной? Ты с кем-то воевать собрался, что ли? Многие встревожились, а некоторые так даже семьи отправляют подальше.

– Семьи-то зачем отправлять? – удивился я.

– Не знаю, – пожала плечами Стефа. – Я тоже думаю, что незачем, но моего мнения никто не спрашивал. Так всё-таки – что у тебя происходит?

– Дружина едет в империю к Бернару, – вздохнул я. – Попы её наняли, целиком.

– А тебе-то к чему туда влезать? – поразила Стефа. – Ты настолько нуждаешься в деньгах?

– Ни к чему, – покачал головой я. – Не нуждаюсь.

Сёстры молча смотрели на меня, ожидая пояснений. Пришлось объяснять:

– Бернар ведь не простой шевалье, он бургграф Кохеме, и, таким образом, вассал архиепископа Трира. Архиепископ воспользовался правом сюзерена призвать вассала на сорок дней и потребовал службы. Ожидается, что герцог Баварский нападёт на Трир, вот Бопре в качестве службы и поручил Бернару командовать обороной Трира, а сам уехал в крепость Эренбрайтштайн и увёл туда все свои войска.

– И попы предложили защищать Трир тебе, – сразу же догадалась Стефа. – А ты не можешь оставить Бернара без помощи.

– Прямо в корень посмотрела, бабушка, – кисло улыбнулся я.

– А сил-то у тебя хватит воевать с целым герцогом?

– Это я и сам хотел бы знать, – признался я. – Бернар говорит, что ожидается всего лишь вылазка ограниченными силами, в этом случае должно хватить. Но кто знает, что там будет на самом деле. Я нанял Волков Севера целиком в качестве вспомогательных частей. Боеспособность у них, конечно, сильно ниже, чем у нашей дружины, но это всё-таки ещё семь сотен ратников.

¹ Пятьдесят тысяч гривен – это примерно пять миллионов долларов. В нашем мире это совсем недорого за уникальное украшение, но мир Кеннера не настолько глобализован, стада миллиардеров по нему не бродят, и такая сумма за безделушку выглядит огромной.

Стефа пристально посмотрела на Ольгу, и та в ответ уставилась на неё. Нет, они точно каким-то образом общаются.

– Мы дадим тебе полк, – наконец, сказала Ольга. – Больше дать не можем, у нас, как ты знаешь, немного другая организация сил.

Знаю, конечно – роды полагаются в основном не на дружину, а на своих высокоранговых Владеющих. У них и тактика, кстати, совсем другая, чем у дворянских дружин.

– Но у нас есть условие, – продолжала Ольга, – позаботься о наших девочках, потерь быть не должно. Род будет очень недоволен любыми потерями.

В этом, кстати говоря, и состоит уязвимое место родов – даже небольшие потери сильно ослабляют род и заметно снижают мораль. Если род ввязывается в серьёзные боевые действия, от него даже в случае победы мало что остаётся. Что все и наблюдали в войне родов, которую Ренские едва сумели пережить, а победители не пережили вовсе.

– Спасибо, – от чистого сердца поблагодарил я. – Обещаю, что позабочусь – я ведь тоже Ренский. На войне ничего гарантировать нельзя, конечно, но затыкать дыры родственниками мы не станем.

– Не благодари, – покачала головой Ольга. – Нам и самим не стоит забывать, что мы тоже Арди. Помочь родственникам – наш долг.

* * *

Ольга осталась и дальше копаться в бумагах, а мы со Стефой покинули её и неторопливо двинулись по аллейке вдоль начинающих краснеть клёнов. Увлечённый разговором со Стефой, я узнал встречную девушку, только когда уже практически с ней столкнулся.

– О, Эльма! – наконец дошло до меня, кого я вижу. – Какая приятная встреча! Давно тебя не видел.

Рыжая сестрица застенчиво улыбнулась.

– Здравствуй, Кеннер. Здравствуйте, старшая.

– Где ты сейчас? Ты же в этом году закончила Академиум, верно?

– Закончила, – кивнула она. – Завтра уезжаю в Рифейск.

– В Рифейск? Точно, Анна же возвращается в Новгород! То есть ты будешь там вместо неё?

Эльма промычала что-то утвердительное.

– Поздравляю! – с чувством сказал я. – Повезло тебе.

– Ммм, – отреагировала на моё поздравление Эльма.

– Даже не буду спрашивать, как тебе это удалось, – продолжал я. – Главное, что заслужила.

– Да, очень верно заметил, – подала голос Стефа.

В эмоциях у Стефы творилось что-то непонятное. Веселье у неё переходило в задумчивость, и тут же снова сменялось весельем, которое вдруг превращалось в замешательство. У меня создалось ощущение, что она сама толком не понимала, как ей реагировать на рыжую.

– Вообще-то, я ожидал, что Ренские пошлют туда кого-то поопытнее, кого-то более заслуженного, – заметил я. – Похоже, у вас действительно стараются давать дорогу молодым. Но я уверен, что ты полностью оправдаешь доверие. Такой шанс отличиться кому попало не дадут – рад за тебя!

– А почему ты думаешь, что мне повезло? – в полной растерянности спросила Эльма.

– Как почему? – не понял я вопроса. – Вы же там затеываете такое перспективное дело с карлами. Там как раз хороший алхимик и может развернуться. Это же огромное, совершенно новое направление! Если сумеешь это дело поднять и развить, станешь среди Ренских далеко не последним человеком, это же ясно.

– Да? – с некоторым сомнением сказала Эльма.

– Ну конечно, – подтвердил я. – У карл практически неизвестные нам уникальные сплавы, и всё это пойдёт через тебя. Невероятно перспективное дело – нужно быть полной дурой, чтобы в такой ситуации оплошать, а ты уж точно не дура. Только ты обязательно заставь Анну перед отъездом свести тебя с Норитом. Старейшины у карл редкостные козлы, не у каждого хватит терпения с ними общаться, так что лучше всего взаимодействовать с ними через Норита.

– Хм, – сказала Эльма.

– Но имей в виду, что и сам Норит персонаж ещё тот, – доверительно заметил я. – Он при первой же встрече сходу так обхамил Драгану Ивлич, что она едва не прибила его на месте. Я вообще не понимаю, как она сдержалась – мне кажется, она просто не ожидала подобного запредельного хамства и растерялась. Так что ты, главное, сочетай терпение и твёрдость, и у тебя всё получится. Анна же как-то с ним управляется, и ты сможешь.

Эльма кивала в глубокой задумчивости.

– Ну ладно, должен тебя покинуть, извини, – с сожалением сказал я. – С удовольствием поговорил бы с тобой подольше, но сама видишь, – я бросил мимолётный взгляд на Стефу. – Может, ещё буду в Рифейске, тогда обязательно к тебе загляну, поболтаем.

Эльма и Стефа совершенно одинаково хмыкнули с задумчивым видом, и мы со Стефой двинулись дальше.

– А знаешь, Кеннер, – заметила Стефа, странно на меня поглядывая, – я впервые увидела тебя со стороны, и должна тебе сказать, что это очень впечатляет. Я только сейчас, глядя со стороны, осознала, насколько ты хорош.

– Не понял, бабушка – о чём ты?

– Видишь ли, Эльма, как в своё время и Анна, едет в Рифейск в наказание. Случилась тут недавно история с совершенно безобразной дракой... в общем, тебе это неинтересно. Рифейск у нас – это дыра, в которую мы скидываем особо провинившихся. Ниже Рифейска уже ничего нет. И вот ты всего за две минуты сумел убедить Эльму, что её не наказали, а наградили. Но самое удивительное состоит в том, что ты и меня сумел в этом убедить. И я теперь не знаю, что делать – с одной стороны, её надо всё-таки наказывать, а не награждать, а с другой – уже поздно что-то менять.

– Зачем же менять, – пробормотал я, не зная, что сказать.

– Менять не будем, – согласилась Стефа. – Но я теперь стала немного лучше понимать, как тебе удаётся проворачивать свои делишки. Ты умеешь обычные вещи увидеть с необычной стороны, а главное, можешь показать это другим. Очень редкий талант, между прочим.

* * *

К Хомским дела у меня никакого не было, и времени просто так ездить по гостям тоже не было, но откладывать визит было уже нельзя – это начинало граничить с демонстративным пренебрежением. Вот сейчас мы с Ленкой – её я взял с собой, чтобы подчеркнуть семейный характер встречи, – и вышли из машины перед особняком Хомских.

– Какой интересный дом, – заметила Ленка, с интересом разглядывая мрачноватый фасад с узкими окнами-бойницами.

– Очень старый, – пояснил я. – Влада говорила, что ему больше тысячи лет.

– Очень похоже на то, – согласилась Ленка. – Его бы Марине показать.

– Она интересуется архитектурой? – удивился я. С моим представлением о Марине Земерц такое мирное увлечение никак не вязалось.

– Ещё как интересуется, – кивнула Ленка. – Даже собирается в архитектурный поступить. Может, уже и поступила в этом году – я её ещё не видела.

– Чего только не узнаешь о, казалось бы, насквозь знакомых людях, – покрутил я головой. – Ладно, пойдём – вон Влада нас уже на крыльце встречает.

Влада с Ленкой расцеловались, ну а я удостоился улыбки – впрочем, вполне искренней. По дороге к Беримиру Ленка без усталости вертела головой, разглядывая пышные интерьеры и потемневшие от времени портреты. Хомские с суровыми лицами в старинных одеждах строго смотрели на неё в ответ.

– Это ведь твои предки, Кени, – заметила она.

– Ну... да, верно, – промямлил я. Почему-то этих людей я никак не мог воспринимать в качестве своих предков. Возможно, дело в воспитании – так уж получилось, что у нас в семье разговоры о родственниках никогда не приветствовались. Сейчас, конечно, всё изменилось, и мы говорим о них свободно, но скорее как о хорошо знакомых людях, чем о родных.

– Здравствуйте, Кеннер, Лена, – улыбнулся нам Беримир вставая. – Надеюсь, на этот раз ты приехал не по делу, а просто в гости?

– На этот раз просто так, повидаться, – улыбнулся в ответ я. – В самом деле, прошу прощения, что так долго пренебрегал визитом – это лето было просто сумасшедшим.

– Да слышал я уже про твои подвиги, – усмехнулся Беримир. – Вот только не знаю, правда это или нет.

Мы уселись у камина, а Ленка с Владой уединились в уголке пошептаться о чём-то своём.

– Про что именно ты слышал? – поинтересовался я.

– Разве ты не только в Рифейске руку приложил? – удивился он.

– А, ты про Рифейск. Там наместник развёл полное безобразие, вот князь и поручил мне это самое безобразие вычистить. Собственно, этим занимались люди князя, а я просто осуществлял общий надзор.

– Говорят, князю это не понравилось, – осторожно заметил Беримир.

– Чепуха, – махнул я рукой. – Всё давно улажено.

– Отчего-то я так и подумал, что всё улажено, – усмехнулся он. – Возможно, что и улаживать-то особо не пришлось.

– Особо не пришлось, – я усмехнулся в ответ, и он понимающе кивнул.

– О, вот и обед готов, – он посмотрел на появившегося в дверях гостиную слугу. – Пойдёмте в столовую.

За обедом – очень неплохим, кстати, – по традиции разговоров не велось, и разговор возобновился только за десертом.

– Как у вас получается работать с матерью? – спросил я. – Конфликтов нет?

– На удивление никаких конфликтов, – ответил Беримир. – Все спорные вопросы решаются мирно. Наши аргументы она всегда выслушивает очень внимательно, и либо соглашается, либо разумно обосновывает свою позицию. Никакой упёртости, ну знаешь, как у старых глав семейств порой встречается.

– Я, в общем-то, совсем не удивлён, – заметил на это я. – С Высшими вообще легко общаться, они открыты к чужому мнению. То есть для них своё мнение не ценнее мнения собеседника, они всегда судят беспристрастно.

– Я с Высшими никогда не общался, поэтому для меня это удивительно, – пожал плечами Беримир. – Особенно по сравнению с нашими стариками, вот уж кто способен все нервы вымотать.

– Вассалы? – понимающе кивнул я.

– Не только, – с досадой ответил он. – Свои старейшины ничем не лучше.

Могу только посочувствовать. У Хомских три вассальных семейства, и у всех них во главе упрямые старики вроде того же Ивана Родина. Замену Путяты на Беримира они явно не одобрили, так что Бери сейчас непросто. Да и сам Путята ведь тоже никуда не делся, а

присоединился к старейшинам семейства. Семейством, конечно, правит глава, но у старейшин тоже есть голос, которым они всегда охотно пользуются.

– Кстати, тебе докладывали о наших результатах? – Беримир сменил неприятную ему тему.

– Нет, пока не было времени принять доклады, – покачал головой я. – Хорошие?

– Не то слово. Стоимость акций сразу подскочила после объявления о вхождении Мило-славы в состав совета директоров. А после того как она объявила, что будет лично гарантиро-вать качество продукции, они вообще пробили потолок.

– Ну, стоимость акций в нашем случае не так уж много показывает, – заметил я. – Их на бирже и так было совсем немного, а сейчас их наверняка просто нет. Если какие-то не успели купить мы, то их купили вы.

– За твоей Кирой не особенно угонишься, – засмеялся он. – Но процентов пять мы всё же сумели выкупить. Ты прав, биржевая стоимость ни о чём не говорит, но объективные пока-затели тоже соответствуют. Заказов резко прибавилось, хоть мы и подняли цены. Появились большие заказы из других княжеств, даже из каганата интересуются. В общем, можно уверенно сказать, что стоимость компании удвоилась. И, вероятно, в ближайшем будущем увеличится ещё больше.

– Поразительный результат, – искренне сказал я. – Отдать даром четверть семейной ком-пании так, что её цена в результате удвоилась – Влада, это просто невероятно. Щедро распла-титься с долгом чести и заработать на этом огромную сумму – знаешь, я до этого даже не пове-рил бы, что такое возможно. Ты очень убедительно показала, что ты настоящая наследница семейства не только по праву рождения.

Реакция хозяев меня, однако, удивила. Вместо того чтобы смущённо принимать поздрав-ления, лица у обоих вытянулись.

– Откуда ты узнал, что она наследница? – спросил Беримир.

– А разве это не очевидно? – не понял вопроса я. – Или я ошибся?

– Нет, ты не ошибся, Влада моя наследница. Но это, вообще-то, большой секрет.

– Какой смысл держать это в секрете?

– Мы пока не уверены, что это будет хорошо воспринято фамилией, – вздохнул Беримир.

– Знаешь, Бери, если даже я, человек посторонний, до этого додумался, то уж свои навер-няка давно всё поняли. Те, кто против, и так ворчат, а те, кто согласны, просто молчат до офи-циального объявления. Хотя я не думаю, что многие будут против – все же видят её успехи. Ну, во всяком случае, свои всё видят.

– Возможно, ты и прав, – согласился Беримир. – Но есть ещё один момент.

– Замужество? – догадался я. – Хочешь спокойно выдать её замуж, чтобы князь не поме-шал? Такой фокус не пройдёт, забудь. С официальным объявлением, или без него, но тебе в любом случае придётся получить разрешение князя на её брак.

– Я что – должна спрашивать у князя, за кого мне выходить замуж? – недовольно нахму-рилась Влада.

– Формально не должна, конечно, – развёл руками я. – Но если он сочтёт этот брак непод-ходящим, то сумеет очень убедительно выразить своё недовольство. Ты не просто девушка Влада, а наследница одного из главных семейств княжества. Для тебя подойдёт не всякий жених, пойми это наконец. Слишком сильные семейства можете сразу вычёркивать – напри-мер, князь не позволил бы вам породниться с нами, я имею в виду, если бы мы не были род-ней, и у нас был бы подходящий по возрасту сын. Понимаю, что тебе это не нравится, – сочув-ственно сказал я, – но мы все в таком положении. Браки наших будущих детей мы тоже будем согласовывать с князем, никуда от этого не деться. Так что лучше не пытайтесь поставить князя перед фактом – покажите ему, что вы готовы учитывать интересы княжества, и решить вопрос станет гораздо легче. Князь ведь тоже может пойти навстречу.

– Ты, скорее всего, прав, – неохотно согласился Беримир. – Мы надеялись, что князь не обратит внимания, если Влада не будет считаться официальной наследницей, но наверное, это и в самом деле было наивным.

– А собственно, зачем вам жених из сильного семейства? Чтобы он втягивал вас в чужие дела? Выберите жениха из вассалов или из молодых дворян, и у князя не возникнет ни малейших возражений. А такого мужа вполне устроит положение консорта, и он будет проводить вашу политику, а не свою.

– Ты из этих соображений выбрал мужа для матери? – полюбопытствовал Беримир.

– Я Эрика матери не подсовывал, – поморщился я. – Мой голос в этом вопросе даже не совещательный, можешь мне поверить. В свою личную жизнь она никого не пускает. Но Эрик нас действительно полностью устраивает. Достойный человек, который будет достойным членом семейства, и никогда не станет крутить какие-то интриги.

– Мы подумаем, Кеннер, – подвела итог Влада.

– Думайте, – пожал я плечами. – Я, вообще-то, вас не уговариваю, я человек незаинтересованный. Просто высказал своё мнение, а вы уж сами решайте.

– Да нет, ты всё правильно сказал, – вздохнула Влада, – просто сложно там всё. Но в официальном положении действительно есть свои плюсы. Определённость какая-то появится, да и хамить, наверное, станут поменьше.

– Хамят? – сочувственно спросил я.

– Иногда. Но стараются так, чтобы нельзя было придраться.

– Придурки, что тут скажешь. Если Лена будет где-нибудь неподалёку, говори ей, она разберётся.

– Обязательно разберусь, – с улыбкой кивнула Ленка.

– Да это уже редко случается, – махнула рукой Влада. – После того как ты отправил Дамира Назимова в тундру, все придурки резко успокоились.

Глава 3

На базе дружины жизнь была ключом. Кто-то куда-то бежал, кто-то что-то кричал, и вообще всё кипело и бурлило. Я поначалу даже слегка растерялся, но вскоре приметил у здания штаба Станислава Лазовича, который что-то выяснял у начальника штаба дружины Олега Жилина, трясая зажатой в руке пачкой бумаг. Что-то долго у них сборы происходят, хотя, конечно, отправлять всю дружину целиком нам пока ещё не доводилось. Ну, надеюсь, что они всё-таки сумеют вовремя отправиться.

– Здравствуйте, воины, – поздоровался я, подходя поближе. – Как у вас дела?

– Здравствуйте, господин, – повернулся ко мне Станислав. – У нас всё по плану. Ждём отправку.

– С железной дорогой всё улажено, – обрадовал его я, – вагоны нам наконец-то выделили. Составы под погрузку начнут подавать завтра с утра на Смоленский-Товарный, грузить будем с четырёх путей одновременно. Вы готовы?

– Давно готовы, – заверил меня Лазович. – Всё имущество в контейнерах, техника подготовлена, каждый ратник знает свою задачу.

– Точно задержек не будет? – с сомнением спросил я, оглядывая суету вокруг.

Оба уловили моё сомнение и дружно заухмылялись.

– Не обращайтесь внимания, господин, – хохотнул Станислав. – Командир бойцу всегда дело найдёт. Как же иначе? Мы второй день на чемоданах сидим, а боец бездельничать не должен. Вот и появилась возможность переделать всё, что на потом откладывалось. Где починить, где благоустроить.

В общем-то, логично – что им ещё делать, когда делать нечего? Не шашечный же турнир устраивать.

– Ну что же, раз готовы, значит, готовы, – кивнул я. – В дороге неприятностей я не жду, но на всякий случай будьте внимательны. В Ливонии проблем точно не будет, а вот в Польше и дальше уже всё возможно.

– Зачем полякам нападать на воинский эшелон? – изумился Лазович. – Что с него можно взять? Ради чего воевать?

– Так-то им нападать незачем, конечно, – согласился я. – Но люди герцога могут им и заплатить, чтобы они немного по нам постреляли. Проследите, чтобы в каждом эшелоне были дежурные экипажи артиллерийских установок, которые смогут стрелять прямо с платформ. И чтобы Владеющие не спали. Ратники должны быть готовы действовать по боевому расписанию, доведите это до всех офицеров.

– Сделаем, господин, – посерьёзней Станислав.

– Я попросил железнодорожников, чтобы наши эшелоны шли друг за другом. Они заверили меня, что смогут договориться об этом по всему маршруту, но сами понимаете – если какой-нибудь польский воевода прикажет немного придержать наш эшелон, польские железнодорожники его приказ выполнят.

Лазович с Жилиным обменялись взглядами и одновременно кивнули.

– Эшелон Ренских поставьте между нашими, а волков отправляйте последними, – распорядился я.

– Я вообще не понимаю, как Ренских использовать, – пожаловался Станислав. – Никогда с родами не сталкивался – как они воюют, чего от них ждать?

– Я сам о них знаю не так уж много, – пожал плечами я. – Тактика у них заметно отличается – если дворянское подразделение строится вокруг бронехода, а Владеющие работают как поддержка или как качественное усиление, то в родах всё наоборот. Они строят подразделение вокруг Владеющего, а бронеходов у них меньше, и используют они их не очень охотно.

Отсюда и разница – из-за распыления Владеющих тяжёлая артиллерия для них обычно проблема, бороться с тяжёлыми бронеходами у них тоже не всегда хорошо получается, зато лёгкая пехота против них практически бессильна. Учитывая, что в империи неплохо умеют справляться с Владеющими артиллерией, Ренские вряд ли будут особо эффективны в прямом бою. В общем, поговори с их командиром насчёт того, как их лучше использовать, и просто ставь им общую задачу.

– А насколько... – Лазович замаялся, пытаясь как-нибудь нейтрально сформулировать вопрос, но я его прекрасно понял.

– Их лучше побережь, – виновато сказал я. – Все их девочки-Владеющие – это Ренские. Сами понимаете, как род отнесётся к смерти своих дочерей. Я вовсе не хочу сказать, что наши люди для меня менее ценны, просто надо иметь в виду, что Ренские всё-таки помогают нам добровольно, и от того, сколько из них вернётся домой, будут очень зависеть наши будущие с ними отношения.

Станислав сморщился, и я его чувства прекрасно понял. Если наши ратники поймут, что мы бережём Ренских за их счёт, нам будет сложно убедить их, что мы действительно о них заботимся. Образ семейства, который мы так долго и старательно выстраивали, скорее всего, просто рухнет. Собственно, я и сам до конца не понял, будет ли полк Ренских для нас подспорьем или лишним грузом. Во всяком случае, пока что это большой вопрос.

– Я понял, господин, – кисло сказал Лазович.

– А с волками, я думаю, всё ясно, – заговорил я, уходя от неприятной темы. – Регулярным частям герцога Баварского они не противники, так что используй их для охраны и патрулирования. Ну, про бывших сослуживцев ты и сам всё знаешь, не мне тебя учить.

– Странно себя чувствую, – усмехнулся Станислав. – Всего несколько лет назад мне и присниться не могло, что буду использовать весь отряд Волков Севера целиком просто как вспомогательную часть.

– С ними у тебя проблем не будет? Наверняка не всем это понравится.

– Да скорее всего, не понравится, – пожал плечами он. – Многие же верят, что мне просто незаслуженно повезло, а уж они-то на моём месте и получше бы справлялись. Но приказы они будут выполнять, а больше меня ничего не волнует.

– Кстати, всё забываю тебе сказать – формируй диверсионно-разведывательную группу, сейчас самый подходящий момент. Пока только группу из пяти-шести бойцов, а потом расширим до копыя. Первым делом Ладу Дорохову туда включай.

– Дури в ней слишком много, – скривился Станислав.

– Вот поэтому её туда и надо. Сейчас от неё свои страдают, а так она будет дурить на страх врагам.

– Проблем от неё больше, чем толку, – проворчал он. – Не боец, а наказание дружины, честное слово.

– Но при этом она очень перспективная Владеющая, Станислав, – развёл я руками. – У всех Владеющих свой путь развития, у неё вот такой. Да собственно, все сильные боевики с прибабахом, просто не у всех это сразу заметно.

Станислав посмотрел на меня с весёлым любопытством.

– Вполне допускаю, что и мы с Леной тоже, – засмеялся я в ответ на его взгляд. – Свои странности ведь не замечаешь, а так-то чем мы лучше других? В общем, Ладу туда, и ещё подбери трёх-четырёх парней ей под стать. А командиром поставь кого-нибудь поспокойнее, кто их сможет более-менее в узде держать. В Трире погоняешь их по разным заданиям, пусть как следует сработаются.

* * *

Лада Дорохова, о которой столь лестно отзывались отцы-командиры, в это самое время гоняла чаи в каптёрке, а заодно была занята тем, что с увлечением обрабатывала боевого товарища.

– Дурачок ты, Свенчик, – убеждённо говорила она. – Ты думаешь, что ты в своей жестянке на поле боя выйдешь, и все имперцы тут же упишутся со страху? Ты очень, очень ошибаешься.

– Ты, Лада, просто не понимаешь, что такое сверхтяжёлый бронеход, – возражал ей Свен Маттсон.

– Он в империи сделан, кстати, – с ехидством уточнила Лада. – Это ничего, что они про свои бронеходы всё знают?

– Ну и что из того? Их и в империи считанные единицы. Меня на поле остановит только пушка калибра от двадцатого² с хорошей баллистикой, да и то не факт. Только ты ещё попробуй в меня попади. Моя малышка, конечно, не Буур, но бегать тоже умеет.

– Пушек у них хватает, Свенчик, – снисходительно улыбнулась Лада. – Но они на тебя снаряды тратить не будут. Как раз таких, как ты, Старшие Владеющие и высматривают. И что ты сможешь против Старшего? Он тебя с твоим сверхтяжем будет пинками по полю катать, и никуда ты от него не убежишь. Ну, то есть, убежишь, если успеешь из бронехода выскочить и дёру дать. Тогда он, может быть, на тебя внимания не обратит.

– У имперцев Владеющих нет, – мрачно возразил Маттсон.

– Ты точно дурачок, – с жалостью посмотрела на него Лада. – Есть у них Владеющие, просто они их по-другому называют. Про имперских паладинов слышал? Вот как раз со Светлым паладином ты и встретишься.

– Тебя послушать, так можно подумать, что Старший – это прямо бог какой-то, – с недоверием сказал Свен. – Что-то не верится мне, что против него ничего сделать невозможно.

– Ну это как сказать, – задумалась Дорохова. – Если против нашего, то может быть, и невозможно. А вот от паладинов есть варианты защититься. Ну, абсолютной защиты нет, конечно, но бороться можно.

– Это как так получается? – усомнился Маттсон. – У них Владеющие какие-то не такие, что ли?

– Не такие, конечно, – авторитетно подтвердила Лада. – Ты, Свенчик, вообще знаешь, как Владеющие на мир воздействуют?

– Не знаю я, кто там на чего воздействует, – хмуро ответил тот.

– Ясно, что не знаешь, – снисходительно согласилась она. – Иначе бы не спрашивал, почему у них Владеющие не такие. Но так и должно быть, это вообще мало кто знает. Это проходят на старших курсах Академиума, причём факультативом. В общем, слушай: наши Владеющие используют волевые построения, то есть напрямую обращаются к Силе, а вот паладины обращаются не к Силе, а к своему Христу. То есть у них сила заёмная, понимаешь?

– Ну и что с того?

– А то с того, что если силу бога использовать для атаки, то силу другого бога можно использовать и для защиты, понимаешь, Свенчик?

– Как-то не очень понимаю, – с недоверием отозвался Маттсон.

– Чего тебе непонятно? – удивилась Лада. – Христос всем другим богам враг, и они ему тоже. Одно дело, если он тебя просто своей силой бьёт, и совсем другое, если ему приходится

² Двадцатый калибр – это два вершка, то есть 88 мм.

сначала силу враждебного бога преодолеть. Даже до такого, как ты, должно доходить, как это работает.

– И как такое сделать? – Маттсон предпочёл оставить укол без внимания.

– Способы разные есть, – Лада надолго задумалась. – Большей частью сложные – или храмовый ритуал нужен, или хотя бы жрец рядом. Хотя есть ещё один способ попроще – не самый эффективный, но всё равно помогает. Не то чтобы прямо вот совсем помогает, зато простой.

– Ну и как? – поторопил её Свен.

– Ты рисовать умеешь?

– Ну... немного могу.

– А готиком писать?

– Готик знаю, – кивнул Маттсон. – А что, нужно обязательно готиком писать?

– А как же иначе? У римских христиан для таких дел как раз готик и используется. Если по-русски написать, это будут просто непонятные узоры.

– Так чего писать-то надо?

– Значит, так, – Лада что-то напряжённо прикидывала. – На передней бронеплите рисуешь топор Перуна...

– Я с Севера, мы Тору жертвуем, – перебил её Свен.

– Тору? Ну, молот Тора рисуешь, тоже пойдёт. Чем больше рисунок, тем лучше. Можешь и на других плитах рисунок сделать тоже. А под молотом Тора готиком крупно напиши «Trottel³», вот я это слово тебе на листочке пишу, оно значит «Во славу божью». Полностью удар Христа не отразит, но заметно ослабит.

– Так просто? – усомнился Маттсон.

– Это просто для того, кто Академиум окончил и факультативы по высшим сущностям посещал, – снисходительно объяснила Лада. – Обычному человеку это узнать неоткуда, конечно.

– А почему на обычных бронеходах такого не рисуют?

– Ты ещё на Буурах предложи молот Тора рисовать. Бога по мелочам не дёргают, он за такое и наказать может. Никому же не нравится, когда его пытаются использовать. А защитить сверхтяжёлый бронеход – это достойная причина для обращения, бог к такому отнесётся благосклонно.

– Ну не знаю... – с сомнением протянул Свен. – Надо бы с ребятами посоветоваться.

– Сначала надо мне спасибо сказать за совет, – сварливо заметила Лада.

– Спасибо, конечно, Лада. Хотя мне говорили, что тебе верить ни в коем случае нельзя. Посмотрим, может, и попробую, как это работает. Ладно, мне бежать надо, парни меня уже потеряли, наверное.

Лада проводила его взглядом, затем зевнула, изящно прикрыв рот ладошкой, и снова потянулась за чайником. Она лениво поразмышляла, как бы убедить сотника придумать на колпаки бронеходов рога, как у шлемов викингов, но потом с сожалением отказалась от интересной идеи. Это было бы просто напрасной потерей времени – с некоторых пор сотник вообще перестал обращать внимание на то, что она говорит, игнорируя её, как жужжащее насекомое. Обидно...

* * *

Я зашёл в аудиторию и с недоумением огляделся. Вышел обратно и ещё раз внимательно посмотрел на номер над дверью. Всё верно – 2-К, то есть вторая курсовая. Собственно, я это

³ Trottel (нем.) – Идиот.

и так прекрасно знал – курсовых аудиторий было всего четыре, и за прошедшие три года мы успели позаниматься в каждой. Я зашёл обратно в совершенно пустую аудиторию и уселся за стол, чувствуя себя довольно глупо.

Ждать, к счастью, пришлось недолго – почти сразу сбоку от кафедры открылась незаметная дверь, и оттуда выглянула Милана Бобровская.

– Вы уже пришли, Кеннер? – приветливо сказала она. – Заходите к нам.

За дверью оказалась довольно милая комнатка с уютными креслами вокруг небольшого столика, на котором стоял чайник и блюдо с плюшками. И как я немедленно обнаружил, чай с плюшками Милана пила не в одиночестве.

– Госпожа, – я склонился в поклоне, ощущая полную сюрреалистичность ситуации.

– Здравствуйте, Кеннер, – благосклонно кивнула мне Морена. – Как ваши успехи?

– Боюсь, что они невелики, госпожа, – честно признался я. – Наверное, если бы не моя жена, то их бы и вовсе не было. Слишком уж много времени занимают мои дела, не связанные с возвышением.

– Типичная проблема, – кивнула Морена. – Та способная девочка – Драгана, кажется? – у неё ведь было то же самое. Надо суметь в какой-то момент сказать «нет» – не забывайте, что это тоже вопрос личной воли. Но я должна заметить, что меня порядком раздражает эта ваша терминология – «возвышение», «Высшие», вот это вот всё. Для столь ничтожных достижений это звучит невероятно напыщенно и глупо.

– Так исторически сложилось, госпожа, – объяснила Милана, наливая мне чай. – Сначала поделились на Старших и Младших, а позже выяснили, что развитие идёт и дальше. Вот и появились Высшие, ну а потом обнаружили, что и это не конец пути. Но там уже поздно было что-то менять, все привыкли.

Морена фыркнула с недовольным видом, хотя никакого недовольства я от неё не ощущал.

– А скажите, пожалуйста, Милана, – воспользовался я паузой, – что у нас с факультативом по высшим сущностям? Почему в аудитории пусто? Его отменили?

– Почему же отменили? – рассудительно отозвалась Милана. – Есть студент, есть преподаватель – значит, занятие состоится.

– Студент, преподаватель, и сущность для изучения, – с улыбкой заметила Морена.

– То есть я единственный слушатель? – удивился я.

– В этом году факультатив будет, потому что есть заявка от студента, – объяснила Милана. – Два предыдущих года факультатива по высшим сущностям не было, потому что не было желающих.

– Я просто потрясён, – признался я. – Такая невероятно интересная тема. Мало того что здесь можно узнать то, что узнать не так-то просто – как оказалось, здесь можно встретить настоящую богиню. Да сюда студенты должны просто ломиться.

– Но вот не ломаются, – развела руками Милана. – Можете спросить свою жену почему – её я тоже здесь не вижу. Впрочем, я и так скажу вам почему – мало кому интересна такая абстрактная тема. Сколько из ваших сокурсников дорастёт до того, чтобы встретиться с высшей сущностью?

– Ну вот я же дорос, получается, – заметил я. – И они, возможно, встретились бы, если бы пришли. Но вы, конечно, правы – люди действительно больше интересуются практичными вещами, а от изучения высших сущностей сложно получить какую-то выгоду. Госпожа, у меня, разумеется, не хватит наглости назвать это изучением, но возможно, вы ответите на вопрос, который давно меня занимает?

– Возможно, отвечу, – улыбнулась Морена.

– Как так получается, что богине смерти смерть совсем ни к чему? Меня удивило, что вещи вроде того алтаря оказались для вас настолько чужды. Разумеется, у меня и мысли не

было, что вы могли бы опуститься до подобной дикости, но всё же такое сильное неприятие именно от вас выглядит неожиданным.

Морена нахмурилась и долгое время молчала. Я уже успел пожалеть о своём вопросе, когда она пожала плечами и сказала:

– Старая история, детская травма. Меня должны были принести в жертву на таком же камне, но мой дядя, который был жрецом, объявил, что я нахожусь под покровительством бога. Главный жрец не любил моего дядю, и он потребовал, чтобы я там же на месте доказала благосклонность бога, а если я не смогу этого сделать, то нас обоих тут же принесут в жертву. Я очень сильно захотела, чтобы он сгорел, и он сгорел у всех на глазах. Так я стала послушницей храма и магусом, а мой дядя стал главным жрецом. Вот с тех самых пор я не люблю ни тех, кто приносит кровавые жертвы, ни тех, кому их приносят.

– Благодарю вас, госпожа, за этот рассказ, – я изобразил лёгкий поклон.

– Но это, в общем-то, личная история, просто чтобы прояснить моё отношение к этому, – сказала Морена. – Вы же спрашивали немного о другом. Видите ли, богам смерти не нужна смерть как таковая – жертвы требуются мелким тварям, которые таким образом пытаются быстро возвыситься. Если вы внимательно присмотритесь, то обнаружите, что боги смерти связаны исключительно с тем, что происходит после смерти. Наша работа – провожать души для Геи, а с убийствами люди прекрасно справляются и сами.

– Любые души?

Морена непонимающе на меня посмотрела.

– Я имею в виду – есть ли душа у инфузории, к примеру?

– Ах, вот вы о чём, – поняла она. – Для Геи представляют интерес только существа, которые сумели сформировать соборную душу. Микроорганизмов очень много, но они слишком примитивны.

– А что насчёт таких существ, как Пожиратели душ, или роевой разум чистильщиков?

– Однако! – подняла бровь Морена. – Вы меня удивили, Кеннер.

Я осёкся – опять сказал не думая. Меня, конечно, извиняет то, что это редчайшая возможность получить ответ из первых рук, но всё-таки следовало быть осторожнее. Если Морене, скорее всего, всё равно, откуда у меня знания о таких экзотических зверюшках, то Милана может начать задавать вопросы.

– Нет, подземные создания мне неинтересны, – всё-таки ответила Морена.

– Дело в том, Кеннер, – неожиданно решила дополнить Милана, – что это всё псевдо-жизнь, искусственно созданная Геей. Ни у Пожирателей, ни у чистильщиков нет души в нашем понимании. Гея их в конце концов поглощает, но она делает это напрямую. Ей не нужны для этого посредники, они полностью её создания.

– Вы знаете об этих существах? – не смог я сдержать удивления от неожиданности.

– Если о них знаете даже вы, то почему бы не знать мне? – улыбнулась Милана. – Правда, о Пожирателях мне только рассказывали, а вот чистильщиков я видела своими глазами. Неве-роятно интересные твари.

– А почему о них не знала Драгана?

– Наверное, потому что никто ей не рассказывал, – просто объяснила она. – Во всяком случае, я не рассказывала.

– Почему? – спросил я, уже предвидя привычный ответ.

– Потому что она меня не спрашивала. Поймите, Кеннер, что знания, полученные даром, не имеют никакой ценности. Приложите труд для того, чтобы хотя бы понять, что эти знания вам нужны. Чтобы хотя бы знать, о чём спрашивать.

– Я бы, пожалуй, с этим поспорил, Милана, – возразил я. – Допустим, я прочитал в кулинарной книге рецепт интересного блюда. Это знание я получил даром, но оно имеет для меня ценность.

Морена с Миланой дружно заулыбались, глядя на меня, как на несмышлёного ребёнка.

– Вы получили это знание не даром, Кеннер, – терпеливо объяснила мне Милана. – Даром, или почти даром, вы получили информацию, ценность которой очень мала. Вы ведь даже не можете быть уверены, что этот рецепт не содержит ошибок. Эта информация превратится в знание, когда вы приложите свой труд – изучите и запомните рецепт, и, вероятно, несколько раз неудачно приготовите это блюдо. Это совсем небольшой труд, но и ценность этого знания тоже невелика. Чем ценнее знание, тем больше труда надо для него приложить.

Подобные соображения я, конечно, слышал уже не раз, но всё же идея, что каждый кусочек знания необходимо добывать трудом, довольно плохо укладывалась у меня в голове. Я ещё помнил буквально тонны информации, которые обрушивались на меня ежедневно. Хотя, положа руку на сердце – много ли в том потоке было настоящего знания? Большей частью это был просто информационный мусор, который лишь отрывал моё внимание от действительно важных дел.

Всего лишь на несколько секунд отвлёкшись на разговор с Миланой, я внезапно обнаружил, что мы остались вдвоём. Когда и как исчезла Морена, я совершенно не заметил.

– Она всегда уходит незаметно, – улыбнулась Милана, заметив моё удивление. – Мне ни разу не удавалось заметить её уход.

– Скажите, а это нормально, что богиня вот так приходит попить чаю?

– А что вы в этом видите ненормального? – ответила она вопросом на вопрос. – Она же совсем недавно была человеком – по меркам бессмертных сущностей, буквально только что. Может быть, когда-нибудь, через тысячи и тысячи лет, она окончательно забудет своё происхождение, но сейчас в ней ещё очень много человеческого. Высшие сущности, как и люди, не меняются мгновенно. И между нами говоря, мне кажется, что ей просто не хватает общения с людьми.

– У неё есть слуги из людей, – напомнил я.

– О чём ей говорить со слугами? Общаться можно только с тем, кто хоть как-то понимает и разделяет твои интересы. Слугам она вряд ли бы стала рассказывать о своём детстве. Мне, кстати, тоже было интересно, отчего она так разозлилась из-за того алтаря, но я не решалась спросить.

Глава 4

Знакомая рука слегка взъерошила мне волосы – я подвинулся, и Ленка примостилась рядом. Коврик-пенка был совсем небольшим, и ей пришлось как следует прижаться ко мне, чтобы не сидеть на земле. Я обнял её и слегка ткнулся носом в волосы, пахнущие какими-то терпкими травами.

– Ну и что ты здесь высматриваешь? – с любопытством спросила она. – Думаешь, внутри есть что-то интересное?

– Нет, не думаю, – покачал головой я. – Что здесь может быть интересного? Это место ещё недавно было обычным болотом, вряд ли внутри есть что-то кроме пары кочек. Ну может, там ещё вода осталась от старого болота.

– То есть ты не допускаешь мысли, что кто-то спрятал таким образом что-то ценное?

– По-моему, это естественный пространственный пузырь, – уверенно сказал я. – Посмотри на него – выступы, впадины, весь он какой-то перекошенный. Я даже не знаю, как эту форму описать. Если бы его создавали искусственно, то у него была бы более оптимальная форма – что-нибудь близкое к шару. Уж во всяком случае, не такое вот уродство.

– Может, сначала это и было шаром, – предположила она. – А потом постепенно превратилось вот в это.

– Интересное предположение, – пробормотал я. – Не очень в это верится, но вполне возможно, что со временем пространственные пузыри могут деформироваться. Хотя я всё-таки не представляю, что можно прятать на болоте. Может, со временем мы сможем его открыть и посмотреть, что внутри.

– А вдруг там что-то страшное? – сделала большие глаза Ленка. – Какая-нибудь демоническая тварь, которую не смогли победить и заключили в тюрьму?

– Фантазёрка ты всё-таки, – фыркнул я развеселившись. – Ну ладно, если соберёмся вскрывать, поставим здесь пару бронеходов.

– А ты уже пробовал вскрывать?

– Пробовал, не получилось, – признался я.

– То есть ты поэтому здесь сидишь?

– Нет, я особо не старался открыть, просто попробовал. Я пытаюсь понять, как эта штука устроена, это гораздо интереснее.

– Что значит «как устроена»?

– Ты можешь пузырь такой величины создать? – ответил я вопросом на вопрос.

– Большой, – неуверенно сказала Ленка, рассматривая причудливую структуру. – Может, и смогу, только его удерживать долго не получится.

– Вот именно, – кивнул я. – А этот пузырь мы полгода назад обнаружили, и никто его эти полгода не держит. И кто его знает, сколько времени он здесь торчит... может тысячи лет. Я хочу понять, за счёт чего он держится, и хочу научиться создавать стабильные структуры.

– Было бы здорово, – признала Ленка. – А вот ещё у Морены двери были, – вспомнила она, – тоже неплохо было бы научиться. Они у неё тоже стабильные.

– Да много разных интересных вариантов есть, – выдал я дежурную фразу, и внезапно такой вариант действительно пришёл мне в голову. – Вот, например: пространство – это поле, так?

– Ну, допустим, – согласилась Ленка. – И что из этого следует?

– А из этого следует, что у него есть такая характеристика, как напряжённость. Собственно, неоднородности пространства, которые мы с тобой наблюдаем – это как раз и есть флуктуации напряжённости поля. Пространство сжато там, где напряжённость поля повышена,

и наоборот. Мы, правда, эти флуктуации не замечаем, поскольку сами существуем в пространстве и сами меняемся вместе с ним. Но есть один интересный момент...

Я сделал многозначительную паузу, и Ленка ожидаемо с любопытством спросила:

– Какой?

– Теория континуальных отображений⁴ говорит нам, что пространство тесно связано со временем, и они составляют единый пространственно-временной континуум. Отношение пространства ко времени – это константа, которую мы знаем, как скорость света в вакууме. И если мы увеличиваем напряжённость поля в какой-то области – да вот в таком пузыре, например, – то одновременно со сжатием пространства там изменится и течение времени. Скорость света измениться не может – это же не просто какая-то скорость, а базовая мировая константа, задающая метрику нашего пространства-времени, – поэтому во сколько раз мы сожмём пространство, во столько же раз и замедлится время.

– То есть в этом пузыре может быть огромный кусок земли, где время почти не течёт? – у Ленки от удивления расширились глаза.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Я, вообще-то, в это не верю, но такую возможность исключить нельзя.

– Двух бронеходов будет мало, – сделала вывод она. – Там может оказаться и армия.

– Армия монстров? – уточнил я.

– Может быть, и монстров, – согласилась она. – Кени, я серьёзно. Это может оказаться действительно опасным.

– Хорошо, хорошо, – послушно согласился я. – Как только сможем его открыть, сделаем это со всеми мыслимыми предосторожностями. Приведём сюда всю дружину, торжественно откроем пузырь, обнаружим там жабу на кочке, все от души посмеёмся и разойдёмся.

– Обещаешь? – она требовательно посмотрела на меня.

– Обещаю, – вздохнул я. – Когда дойдёт до дела, будем открывать осторожно.

Ленка помолчала, разглядывая мутноватую структуру.

– То есть ты решил забросить всю эту чепуху с лесом вероятности, и заняться более перспективным направлением? – вдруг пришла ей в голову мысль.

– Ничего я не забросил, – решительно отказался я. – Просто вспомнил, что у нас есть стабильный объект, и захотел посмотреть на него повнимательнее. И ты ошибаешься, считая, что лес вероятностей неперспективен. Все направления одинаково перспективны, и все они поначалу полная чепуха.

– Скажи полякам в том дирижабле, что это была полная чепуха. Ты даже меня тогда впечатлил. А чего ты смог добиться с лесом вероятности? Помнится, у тебя получилось восстановить надкушенное яблоко – и как, уже освоил работу с грушами? А там, глядишь, дойдёшь до арбузов и дынь – от такой перспективы захватывает дух.

– Нет, всё-таки женщины мастерски владеют языком, этого у вас не отнять, – засмеялся я, а Ленка подозрительно на меня посмотрела. – И когда ты успела научиться так сокрушать словом, ты же вроде всегда предпочитала просто в морду дать? Но знаешь, Лен – здесь ты судишь слишком поверхностно. Я тогда сделал это с дирижаблем в состоянии стресса, сам не осознавая, что делаю. Если бы не это, мы так бы и гадали, что за непонятные структуры мы иногда видим, и действительно ли это структуры, или же у нас просто какая-то проблема со зрением. А ещё после того случая ты убила очень много времени и труда на тренировки – если бы я столько же занимался работой с лесом, то, возможно, смог бы продемонстрировать что-то более впечатляющее.

– Не представляю себе, что там можно сделать впечатляющего, – скептически заметила Ленка.

⁴ Теория континуальных отображений в нашем мире называется специальной теорией относительности.

– Если бы ты видела своими глазами дуэль Драганы с Кисой, то так не рассуждала бы. Начисто стереть из реальности Высшую – это, знаешь ли...

– С техниками пространства это можно было сделать проще и надёжнее. Вжик-вжик, и на полянке только ножки в ботиночках стоят.

– Только возможно, что это твои ножки стоят, а не её, – хмыкнул я, – там же не угадаешь, как разрыв пойдёт. И кстати, совсем не факт, что Киса не смогла бы от этого защититься.

– Ну, надо просто больше тренироваться, – смутилась Ленка. – Но всё равно, эти техники вероятностей выглядят как-то не очень надёжно.

– А ещё можно вспомнить, как Драгана превратила маленькую мастерскую в огромный завод. Крушить и уничтожать легко, а вот такое действительно впечатляет.

– И чего она этим добилась в конечном итоге? – пренебрежительно фыркнула Ленка. – Завод ушёл чужим людям, а она насмерть разругалась с родственниками.

– Да, в конечном итоге у неё вышло форменное безобразие, – вынужден был признать я. – Если бы мастерская осталась крохотной, возможно, Драгана ею не заинтересовалась бы, не поссорилась бы с братьями, и была бы у них сейчас одна дружная семья. И главное, смысла в этом не было совершенно никакого – мастерская в результате оказалась ей вообще не нужна, а с братьями помириться уже не выйдет.

– Ну вот, – наставительно сказала Ленка. – Зато пространственные техники дают простой и полезный результат, без таких побочных эффектов. Вот взять эту твою идею хранилища с остановленным временем – это же просто потрясающе.

– Это всего лишь предположение, Лен, – пожал я плечами. – Может быть, у нас в ближайшую тысячу лет на такое сил не хватит, а может быть, это вообще невозможно. Для начала надо научиться просто создавать стабильные структуры. Но я согласен, что у пространственных техник есть большие прикладные возможности, и многие доступны прямо сейчас. Мне всё равно кажется, что у леса вероятностей перспектив больше, но при этом порог вхождения значительно выше, здесь трудно возразить.

Мы помолчали – спорить дальше не хотелось, да и не о чем было спорить.

– Что слышно от Станислава? – спросила Ленка.

– Едут по Польше, – ответил я. – Пока без происшествий, он с каждой станции шлёт короткие доклады.

– Сам туда поедешь?

– Зачем? Станислав с Бернаром – люди с большим военным опытом. Если я, гражданский человек, начну к ним лезть с какими-то руководящими указаниями, то просто дураком себя выставлю. Да и вообще мне не стоит там светиться и подчёркивать, что это наша дружина – они же поехали как вольный отряд.

– Справятся, как ты думаешь?

– Сам хотел бы знать, – с досадой ответил я. – Но Станиславу я приказал, чтобы никакого героизма и никаких сражений до последней капли крови. Если станет ясно, что удержаться не получится, пусть хватает в охапку всех Арди и отступает.

* * *

– Вратиславия⁵... – задумчиво заметил Станислав Лазович, глядя на медленно проплывающие за окном пакгаузы. – Это же вроде последняя польская станция у нас, Олег?

– Последняя, – подтвердил начальник штаба, оторвавшись от своих бумаг. – Ждёшь проблем, Станислав?

⁵ В нашем мире название «Вратиславия» постепенно преобразовалось во «Вроцлав». В мире Кеннера, в отличие от нашего, Вратиславия всегда оставалась польским городом, и никогда не принадлежала ни чехам, ни немцам.

– В Польше? Не особенно. Вряд ли они захотят с нами драться. Могут попытаться денег с нас взять за проезд, но это мелочи. В крайнем случае просто заплатим, хотя не хотелось бы. Плохо это сказывается на репутации.

– Почему ты думаешь, что не захотят драться? – заинтересовался Жилин.

– Зачем им драться? Мы купцы, что ли? Что с нас можно взять?

– Ну, им за это ведь и заплатить могут.

– Господин насчёт такой опасности говорил, но я в это не верю, – покачал головой Лазович. – Да ты сам прикинь – начнут они с нами драться, и что от этой станции останется? Им столько никто не заплатит, чтобы окупить все убытки, а за меньше они не согласятся свою узловую станцию превращать в руины. Ну а в чистом поле засаду сделать никак не успеть. Там ведь надо как следует окопаться, иначе мы их в землю вобьём и дальше поедem. Нет, Олег, в Польше драки не будет.

– Допустим, в Польше не будет, а дальше как?

– До Дрездена поедem спокойно, – прикинул Станислав. – Пфальцграф Саксонский – союзник кардинала Скорцезе, какой-то враждебности от него можно не ждать. А вот дальше непонятно – до Трира нам придётся, считай, всю Германию пересечь. Баварию, конечно, объедem стороной. На самом деле, в Германии я тоже проблем не жду, но всё равно – пока до Рейнланда не доедем, расслабляться не стоит.

– А я вот чувствую себя беспокойно – пожаловался Жилин. – Ты уверен, что всё хорошо будет?

– Не знаю, Олег, я в этом деле вообще ни хрена не понимаю, – в сердцах высказался Станислав. – Вот представь такую ситуацию: ты хочешь захватить город, пограбить, или ещё зачем. Из города уводят все войска, город стоит без защиты. Что ты сделаешь?

– Ну, захвачу, – пожал плечами тот. – Хотя сначала убедиться надо, что все действительно ушли, а то, может, это ловушка какая.

– А вот они не захватывают почему-то. Неделя проходит, потом ещё одна, потом они узнают, что в город едут войска для защиты. А они всё равно чего-то ждут, только рассказывают всем, что вот-вот нападут.

– Да, странно как-то выходит, – озадаченно согласился Жилин. – А они точно знают, что мы едем?

Станислав на это только укоризненно на него посмотрел, и тот согласился:

– Ну да, люди герцога наверняка это узнали, ещё когда мы только собираться начали.

– Я тебе больше скажу, Олег – они это узнали, когда мы ещё сами не знали, что поедem, – снисходительно усмехнулся Лазович. – Я на сто процентов уверен, что людям герцога Баварского про нас сообщили отовсюду – из Трира, от кардинала, от архиепископа. Чтобы такую вещь удержать в секрете, это надо организовывать совсем по-другому.

– Ну и что нам с этим делать? – всерьёз озадачился Жилин. – Думаешь, нас подставить хотят?

– Как что делать? Выполнять приказ. Мы люди военные, нам в политику лезть не положено. Насчёт подставить не знаю, но вот что всё это тухлятиной пахнет, это факт железный.

* * *

Однако проблемы всё-таки наметились, и уже во Вратиславии. Вернувшийся в штабной вагон Олег Жилин доложил:

– Станислав, что-то непонятное здесь происходит. Парни заметили передвижения каких-то вооружённых групп. Ещё пару лёгких бронеходов неподалёку видели. Я приказал бойцам занять места по боевому расписанию.

– Накаркали всё-таки, – досадливо поморщился Лазович. – Выяснили, какими силами противник располагает?

– Непонятно пока ничего, – развёл руками Жилин. – И разведку не послать – мы здесь как на ладони. Любого заметят, кто от состава попытается отойти. Они постоянно передвигаются, вот несколько раз и мелькнули.

– Незаметно окружают? – деловито спросил Лазович.

– Не то чтобы совсем незаметно, на глаза всё-таки показываются, – начштаба призадумался. – Мне когда докладывали, проскочила там одна фраза, я поначалу даже внимания особо не обратил. Парни, что их засекли, считают, что они специально дали себя увидеть. То есть, как будто они хотели нам показаться, но так, чтобы мы не поняли, сколько их на самом деле.

– А, ну так это совсем другое дело, – сразу расслабился Станислав. – Всё нормально, драки не будет.

– Точно не будет? – недоверчиво уточнил Жилин.

– Точно, точно, – заверил его Станислав. – Я когда у волков служил, моя сотня почти постоянно в Польше сидела. Разобрался, как здесь принято дела делать. Они просто сделали заявку на переговоры. Нам сейчас тоже надо свою позицию сформулировать. Распорядись поднимать бронеходы.

– Они же не смогут сами с платформ сойти, – удивился тот.

– Им и не надо куда-то сходить, да и стрелять не понадобится. Пусть просто постоят, пушками пошевелят. Дежурные артиллеристы пусть тоже башни поворачивают, чтобы видно было, что они не просто на платформе стоят, а пострелять могут.

– Сделаем, – понимающе кивнул Жилин. – А кстати, Бууры могут и сами с платформ спрыгнуть, у них надо всего лишь растяжки снять.

– Хорошая мысль, – одобрительно отозвался Станислав. – Снимай крепления с Бууров, пусть побегают вдоль состава туда-сюда, наверх куда-нибудь запрыгнут, в общем, покажут себя.

– Всё понял, командир, – козырнул Жилин. – Сейчас распоряжусь.

* * *

В дверь командирского купе заглянул адъютант:

– Командир, разрешите?

– Что там у тебя, Витя? – рассеянно отозвался Станислав.

– Там воеводский маршалок⁶ появился, – доложил адъютант. – Требуется главного.

Лазович к этому моменту уже совсем было решил, что ничего так и не произойдёт, и новое развитие событий явилось неприятным сюрпризом.

– Что, вот прямо сам маршалок? – недоверчиво спросил он. – Или от маршалка кто-то?

– Говорит, сам, – подтвердил адъютант. – Ещё человек пять пристяжи с ним, у всех морды толстые.

– Ну а какими ещё у них морды будут, на таких-то должностях, – задумчиво заметил Лазович, что-то прикидывая. – Похоже, маршалок понял, что обычной шестёрке мы просто поджопник пропишем вместо денег, вот и явился сам. Ладно, скажи ему, что сейчас выйду.

– Сюда его не звать? – переспросил Шашков.

– За какие заслуги ему такую честь оказывать, Витя? – усмехнулся командир. – Он же просто хочет с нас по-лёгкому денег срубить. Ты, как ему скажешь, незаметно отойди в сторонку и найди Жилина. Пусть организует шевеления какие-нибудь – чтобы бойцы позиции

⁶ Маршалок – придворный чин, государственная должность в Польше. В данном случае – управляющий воеводством, нечто вроде первого министра.

заняли, экипажи пушками покрутили, что-нибудь такое. Пусть пара-тройка Бууров мимо этих пробегут. Ну, он сам разберётся, что сделать, чтобы смотрелось как надо. Иди выполняй.

Когда через пять минут Лазович спустился на перрон, гости выглядели хмуро и периодически нервно оглядывались на стоящий сзади Буур, который как бы невзначай направил на них стволы спаренного пулемёта. Вдоль состава суетились бойцы, занимая позиции под вагонами. Через два вагона от них с платформы прыгнул очередной Буур, повёл пулемётными стволами по сторонам и деловито протопал мимо гостей к голове состава.

«Переигрывает Олег немного», – отстранённо подумал Станислав, направляясь к гостям. Впрочем, гости явно так не считали, и судя по насупленным физиономиям, представление оценили в нужном ключе.

– Здравствуйтесь, панове, – поздоровался он подойдя. – Я Станислав Лазович, командир вольного отряда «Стальная лапа». С кем имею честь?

– Матеуш Навроцкий, – с неохотой представился самый представительный член группы. – Маршалок Вратиславского воеводства.

– И чем простые вольники вызвали интерес столь высокопоставленного лица? – вежливо осведомился Станислав.

– Простые вольники? – с явно выраженной насмешкой отозвался Навроцкий, лёгким кивком указав на уходящую далеко вдаль вереницу платформ с самой разнообразной боевой техникой. Впрочем, вагонов для личного состава тоже хватало.

– Вельможный пан имеет какие-то сомнения? – демонстративно удивился Лазович. – Я готов их развеять. Позвольте предъявить лицензию Вольной гильдии с отметками выполненных контрактов.

– Нет нужды, пане Станислав, – махнул рукой тот, слегка сдавая назад. – У меня нет никаких сомнений в ваших словах.

Они помолчали, глядя друг на друга. Навроцкий ждал, когда Лазович занервничает и заговорит первым, но Станислав просто доброжелательно смотрел на него, не проявляя никакого желания выяснять намерения гостя.

– Скажите, пане Станислав, – наконец, заговорил Навроцкий, поняв, что тот готов молчать до бесконечности, – в чём состоит цель вашего визита в наше воеводство?

– Нет совершенно никакой цели, пане Матеуш, – вежливо ответил Лазович, – поскольку нет никакого визита. Мы следуем для выполнения контракта, и сделали здесь короткую остановку исключительно для заправки нашего локомотива топливом и водой. Как только потребное будет доставлено, мы немедленно вас покинем.

– Есть небольшая трудность, пане Станислав, – заявил Навроцкий, всем своим видом выражая сожаление от несправедливости жизни. – Вольные отряды очень плохо себя проявили в нашем воеводстве. Грабежи крестьян, нарушения закона, много разных бесчинств...

– Надеюсь, вы не имеете в виду нас, пане Матеуш? – перебил его Станислав. – Потому что наш отряд подобными вещами никогда не занимался. Совсем даже наоборот, мы всегда и во всём содействуем стражам закона.

– О нет, ни в коем случае, – покровительственно покачал головой пан маршалок, который прямо на глазах вновь обретал уверенность. – К вам у нас нет никаких претензий. Однако все мы обязаны выполнять закон – и повеления ясновельможного пана воеводы, которые и есть закон. Для противодействия подобным происшествиям его ясновельможность издал распоряжение о том, что все вольные отряды на территории воеводства обязаны вносить страховой сбор, из которого в случае противоправных поступков отряда оплачиваются штрафы и убытки, и который возвращается, когда вольный отряд покидает территорию воеводства.

«Конечно же, возвращается, три раза ха», – с мрачным юмором подумал Станислав.

– Понимаю вашу озабоченность, пане Матеуш, – сочувственно сказал он. – И ни на мгновение не сомневаюсь в мудрости распоряжений его ясновельможности. Я немедленно сообщу

его высокопреосвященству, что он должен перевести вратиславскому воеводе необходимую сумму.

– Его высокопреосвященству? – тупо переспросил Навроцкий.

– Я разве не сказал вам? – удивился Лазович. – Прошу простить мне это упущение. Наш отряд движется на защиту святой церкви божьей. Нас нанял его высокопреосвященство кардинал Алонзо Скорцезе в интересах архиепископа Трира Жерара Боппе для защиты его архиепископства. Не сомневаюсь, что его высокопреосвященство безотлагательно уладит все вопросы с паном воеводой, а сейчас прошу вас, вельможный пане, содействовать нашему немедленному отъезду. В деле защиты церкви любое промедление недопустимо.

Навроцкий заколебался. С одной стороны, у церкви в Польше было не столь уж много власти, и соответственно, возможности кардинала Скорцезе были не так уж велики. Но с другой – а стоят ли эти деньги такого врага? К тому же было довольно сомнительно, что с вольников вообще удастся получить хоть какие-то деньги – было как-то совсем непохоже, что они согласятся платить. Сражаться же с ними обойдётся себе дороже, а если их просто держать здесь, то они могут и начать понемногу грабить город. Пан маршалок снова окинул взглядом состав, казавшийся бесконечным, и сомнения его усилились ещё больше.

– А также прошу вас, вельможный пане маршалок, – строго добавил Лазович, – всячески способствовать скорейшему отправлению остальных наших эшелонов. Дело церкви! – многозначительно сказал он, подняв вверх палец и как бы указывая им на небеса.

– Каких ещё остальных эшелонов? – в полном замешательстве спросил Навроцкий.

– Мы ведь всего лишь передовое охранение, – объяснил Станислав. – Наша задача – обеспечить прикрытие и выгрузку основных сил отряда.

Тот тупо смотрел на Лазовича, силясь понять, о чём он говорит.

– За нами идут ещё семь эшелонов, – растолковал Лазович. – Тяжёлая техника и ударные части.

– Помощь святой нашей матери церкви – долг всех добрых христиан, – моментально сориентировался Навроцкий. – Думаю, в отношении страхового взноса мы сможем сделать исключение для вашего отряда, пане Станислав. Его ясновельможность пан воевода не может не одобрить вашу богоугодную цель, к тому же ясно, что защитники церкви уж точно не станут заниматься какими-то безобразиями. Езжайте спокойно, я распоряжусь отправить вас как можно быстрее.

Глава 5

Князь вызвал меня к себе неожиданно – впрочем, оформлено это было как вежливая просьба по возможности посетить его в четыре часа пополудни. Разумеется, посчитать это именно просьбой мог бы только беспредельно наивный человек – это был именно вызов, не подразумевающий отказа. Просто такой формой князь давал мне понять, что настроен дружелюбно, никакой выволочки не предполагается, а он просто хочет о чём-то меня попросить.

– Здравствуйте, господин Далимир, – с улыбкой поздоровался я с секретарём князя.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – улыбнулся он в ответ. – Проходите в кабинет, князь вас ждёт.

Секретарь князя всегда старался держаться незаметно, однако люди знающие считали, что определённое влияние на князя у него есть. Собственно, у любого секретаря есть влияние на шефа, но у некоторых оно ограничивается лишь возможностью подложить или придержать нужную бумагу, а вот мнением Далимира по тому или иному вопросу князь нередко интересовался – во всяком случае, многие в это верили. Я не верил, а знал точно – Драгана как-то мельком об этом проговорила, а значит, так оно и было. Правда, я ещё и знал, что князь спрашивает мнения у многих – нередко даже у меня, – а вот решает всегда сам и на чужое мнение не оглядывается. Тем не менее к Далимиру князь действительно прислушивался, и как мне временами кажется, хорошее отношение ко мне князя не в последнюю очередь обязано хорошему отношению его секретаря.

Я с признательностью кивнул ему и привычно потянул на себя дверь так знакомого мне княжеского кабинета. Князь стоял у окна, заложив руки за спину, и задумчиво рассматривал что-то снаружи.

– Княже, – поклонился я.

– А, Кеннер, – оглянулся князь. – Подойди-ка сюда и скажи, что ты видишь.

Я подошёл к окну, из которого открывался вид на маленький внутренний садик. Поначалу я хотел сказать, что вижу садик, но тут же себя одёрнул. Князь вряд ли стал бы задавать дурацкий вопрос, и определённо не ждал от меня дурацкого ответа. Я посмотрел повнимательнее и заметил двух молодых парней, лежащих в тени дерева и о чём-то лениво беседующих. Одежда выдавала в них дворцовых работников, а рядом с ними валялись какие-то то ли вилы, то ли грабли – словом, сельскохозяйственные орудия.

– Вижу, что садовник куда-то надолго ушёл, а его помощники что-то обсуждают в тенёчке, – ответил я, по-прежнему не понимая, что он хочет от меня услышать. – Я мог бы предположить, что они обсуждают план работ, но я не настолько верю в людей. Что приводит меня к предположению, что твой садовник не умеет обеспечить достаточную мотивацию своим сотрудникам.

– А твои сотрудники достаточно мотивированы? – он остро посмотрел на меня.

– У нас те же самые люди трудятся, что и везде, – пожал плечами я. – Так что по-всякому бывает. Но в целом наши люди, пожалуй, вполне мотивированы. Во всяком случае, мотивировать кого-то палкой приходится достаточно редко.

– Отсюда можно сделать вывод, что если человек что-то делает, то у него обязательно есть мотив поступать именно так, а не иначе. А если не делает, значит, и мотива нет, так?

– Разве это не очевидно, княже? – слегка озадаченно спросил я.

– Не всегда, Кеннер, не всегда, – задумчиво сказал он, отходя от окна. – Вот бывает так, что делает человек что-то, а мотива никакого не просматривается. Или наоборот – мотив вроде есть, а не делает.

– Значит, мы просто не видим мотива, – убеждённо сказал я. – Но он обязательно есть. А если мотив есть, а не делает, значит, это на самом деле не мотив.

– Вот и я так же думаю, – вздохнул он, оставив меня в полном недоумении. – Ладно, садись. Расскажи, как у тебя дела.

– Нормально дела у меня, княже, – осторожно ответил я, усаживаясь в уже привычное мне кресло. – Пока что проблем не видно.

– Пока? – усмехнулся он. – Как там твои вольники? Без происшествий?

– Едут по Германии, княже, скоро должны быть на месте. Происшествий не было. Поляки, правда, попытались денег с них снять за проезд, но Лазович убедил их так пропустить.

– Убедил, говоришь? – хохотнул князь. – Скорее поверю, что он им пушку под нос сунул, которая побольше.

– Не знаю, подробного донесения ещё не было. Но скорее всего, угроза в какой-то форме была, вряд ли он смог бы их убедить одним добрым словом.

– А вообще ты об этом деле думал? – он пристально посмотрел на меня.

– Думал, княже, – я резко помрачнел. – Мутят что-то попы, а вот что – никак понять не могу.

– Подробнее расскажи, – приказал он.

– Я не понимаю, почему Оттон Баварский не напал на Трир, хотя у него была полная возможность сделать это, пока город был незащищён. Столько разговоров, что вот-вот, и совершенно никаких действий.

– Возможно, что у него просто недостаточная мотивация, – усмехнулся князь, с намёком кивнув на окно.

– А возможно, что он ждёт именно мою дружину.

– И такое возможно, – согласился князь.

– Но если так, то всё равно непонятно, что он хочет – действительно устроить большую битву, или же просто что-то изобразить? Победу? Поражение?

– Вот и я никак не пойму, Кеннер, – задумчиво покивал князь, – Что там происходит и зачем они всё это затеяли? Идёт какое-то бурление на глубине, а во что это выльется – непонятно. Может, что-то прояснится, когда мы поймём, зачем они твою дружину вытащили. Ведь не просто так вот это всё?

– Да ясно, что не просто так, княже, – с досадой сказал я. – Но что за кашу они там варят – полная загадка.

– Мало информации у тебя, – согласился князь. – И у меня её тоже мало, вот что неприятно. Есть у меня там кое-какие люди, конечно, но никого, кто сидел бы достаточно высоко и имел хоть какой-то доступ к решениям. Так что тебе, пожалуй, вскоре придётся опять туда съездить, осмотреться, поговорить. У тебя это неплохо получается.

Я только печально вздохнул.

– Ладно, посмотрим. Может и не понадобится, – сжалился надо мной князь. – Прямо сейчас есть дела поважнее. Ты на свадьбу Милославы Езгера пригласил?

– Посла каганата? – я с трудом вспомнил мельком встреченного на одном из приёмов спутника Алины.

– Его, – кивнул князь. – Отправь ему приглашение.

Я с удивлением на него посмотрел – вообще-то, это моя мать выходит замуж, а не его. Тот правильно понял мой взгляд и поморщился:

– Это моя просьба, Кеннер. Государственная необходимость, понимаешь? Надо кое с какими людьми незаметно переговорить в неформальной обстановке, а кроме свадьбы Милославы никаких подходящих поводов встретиться не будет.

– Приглашу, – согласился я. В общем-то, человеком больше, человеком меньше – разницы никакой. Да собственно, даже сотня человек мало что изменит. Свадьба матери как-то незаметно оказалась чуть ли не государственным мероприятием, и число приглашённых уже давно перевалило далеко за тысячу.

– В Киеве кого знаешь?

Подразумевается, конечно же, из значительных людей. Хозяйка уютного дома «Усталый паровоз» князя вряд ли интересуется.

– Со Славяной Лановой разок встречался.

– Пригласи её тоже.

– Её, скорее всего, мать уже пригласила, она приглашением Высших занимается. Но я спрошу – если она ей приглашение не отправляла, то приглашу.

– А из христиан кого-нибудь позвал?

– Как-то даже не думал о них, – озадачился я. – А ведь сюзерена-то, наверное, надо пригласить.

– Да, фон Херварта тебе положено позвать, – согласно кивнул князь. – Кардинала Скорцезе ещё обязательно пригласи. А чтобы его приглашение не выглядело слишком подозрительным, позови также архиепископа и магистра. Это по протоколу необязательно, но так-то нормально будет выглядеть. Да и тебе самому это пригодится для хороших отношений.

Вообще-то, князь прав – хотя по протоколу архиепископа с магистром приглашать необязательно, но могут ведь и затаить обиду. Жизнь, она не по протоколу идёт. А заодно надо бы и соседей баронства позвать – с одной стороны, они меня не особенно волнуют, но с другой – им очень полезно своими глазами увидеть силу и влияние нашего семейства. Меньше будет желания при случае создать нам проблемы.

– Тогда и Ройтера надо звать, – вспомнил я. – А то как-то неприлично получится, что дерптского епископа позвали, а новгородского пропустили.

– Ройтер меня не интересует, – махнул рукой князь, – но зови, конечно. Из империи у тебя кто будет?

– Только родственники.

– Неплохо было бы кронпринца пригласить, – намекнул князь.

– Ты думаешь, княже, что он приедет? – изумился я.

– Думаю, что нет, – вздохнул князь. – Но вдруг. А кстати, нашим-то князьям приглашения разослал?

– Да с чего бы, княже? – я уже перестал что-то понимать. – Где мы, а где князья?

– Не глупи, Кеннер, – поморщился он. – К Мирославе и князю приехать незачем, так что шли приглашения, а то потом обид не оберёшься. Приехать кто-то, может, и не приедет, но приглашением обойти нельзя.

Мамина свадьба как-то плавно превращается в государственное мероприятие мирового масштаба. Маму подобным, конечно, не смутить, а вот Эрика мне искренне жалко. Я представил, как его поздравляют все русские князья по очереди, и только покрутил головой в лёгкой оторопи от этой безумной картины.

– Киевскому тоже слать?

– Киевскому не надо, – пренебрежительно отмахнулся князь. – В общем, я тебе пришлю список, кого надо обязательно пригласить.

– Гм, – сказал я многозначительно.

– Не надо такое вот лицо делать, Кеннер, – нахмурился князь. – Сказал же – государственная необходимость. Ты вообще знаешь, что в мире происходит?

– Судя по твоему тону, княже, не знаю.

– Верно понимаешь, ничего ты не знаешь. Вот ты знаешь, например, что кагана начинает войска понемногу стягивать к границе с Киевским княжеством?

– Она воевать с Киевом собралась, что ли? – поразился я.

– Вот и нам всем интересно, что она затевает. А ты слышал, что Наши Великого наложница отравила?

– Нет, – признался я. – Драгана как-то упоминала в разговоре, что есть такой султан, а что его отравили, не слышал.

– Ты, как я слышал, на «превосходно» учишься, а даже правителей мировых держав не знаешь, – укоризненно покачал головой князь. – Что-то сильно неладно у нас с образованием. Отравили Нашми, это точно. Там сейчас все муслимы зашевелились – и Фатих Второй, и этот, иранский, как его там. Константинополь тоже волнуется, и в империи непонятно что творится. Как-то разом всё везде забурлило. Может такое быть, что всё это как-то связано?

– Может, их бог решил опять религиозную войну устроить?

– Их бог? – непонимающе переспросил князь.

– Ну, у них всех вроде ведь один и тот же бог, – пояснил я. – Во всяком случае, священная книга у них одна.

– Священная книга не показатель, что бог тот же, – возразил князь. – Могли ведь просто позаимствовать. И у хазар не один бог, там кроме Тенгри ещё целая толпа.

– Это у чёрных хазар Тенгри с толпой, – напомнил я ему. – Но решают там всё белые, а они иудейскому богу молятся.

– Я как-то больше привык с людьми дело иметь, а не с богами, – задумался князь. – Но тут ты прав, такой поворот тоже нельзя исключить. Знаешь что – поговори-ка ты с Максаковой на эту тему. Может быть, она сможет что-нибудь полезное сказать.

– Анна, скорее всего, про это ничего не знает, – заметил я. – Лучше я поговорю с Миланой Бобровской, она как раз на таких вещах специализируется.

* * *

К Милане я, разумеется, сразу же не пошёл. Срочности особой нет, да и зачем мне просить об одолжении ради информации, которая нужна князю, а не мне? Я подождал до следующего занятия – одно дело, когда я специально прихожу к ней для консультации, и совсем другое, когда студент просто задаёт вопрос на занятии.

Поскольку я был единственным студентом, да и отношения у нас с Миланой были достаточно неформальными, занятия у нас проходили в преподавательской комнате под чай с плюшками. Плюшки обычно приносил я, а чай был на Милане.

– Прочитали литературу, что я на прошлом занятии задавала? – поинтересовалась Милана, заливая кипятком в пузатый заварничек.

– Я всегда делаю домашние задания, – с лёгкой обидой в голосе отозвался я. – Прочитал и заданную, и дополнительную.

– Вопросы есть по ней?

– Даже не знаю, Милана, – задумался я, вспоминая прочитанное. – Как-то сложно задавать вопросы по народным сказкам. Их вообще сложно воспринимать серьёзно.

– Вот такая у нас учебная литература, – засмеялась она. – Сказки, предания, легенды. А вы чего ожидали? Периодическую таблицу богов и сущностей, как у алхимиков?

– Было бы неплохо, – улыбнулся в ответ я.

– Да, было бы неплохо, – согласилась Милана. – К сожалению, те, кто действительно что-то знает, уже слишком далеко отошли от человечества, и никак не расположены делиться своими знаниями. Так что приходится добывать знания вот так, по крохам из легенд и сказаний.

– Ну, можно ведь порасспрашивать ту же Морену, например.

– Знаете, Кеннер, это только у вас хватает здоровой наглости задавать высшим сущностям личные вопросы. Я не задаю Морене вопросов, темы наших бесед всегда выбирает она. А вот вы, наверное, и Госпожу Рассвета не постеснялись бы вопросами доставать. Хотя самое удивительное – это то, что вам действительно отвечают.

– Госпожа Рассвета – вы имеете в виду Сияние? Не думаю, что мы с Госпожой способны друг друга понять.

– Я тоже так не думаю, – усмехнулась Милана. – Кстати, как вы видите Сияние?

– Я бы не сказал, что вот прямо его вижу. Так, лёгкое свечение на краю восприятия. Хотя последнее время иногда замечаю какие-то нити.

– Интересно будет узнать, во что вы сможете сложить эти нити.

– Сложить нити? – не понял я.

– Не берите в голову, – махнула рукой Милана. – Со временем это придёт само собой. Но мы с вами отвлеклись – так что вам непонятно в прочитанном?

– Я правильно понял, что зверобогии каким-то образом получились из животных?

– Не старайтесь упрощать, Кеннер, – укоризненно покачала головой Милана. – Никакой периодической таблицы богов вы не постройте, это тупиковый путь. Невозможно классифицировать то, что классификации не поддаётся. Для начала надо бы дать какое-то ясное определение того, что такое бог, а это вряд ли получится. Мы могли бы сказать, что это сущность, которую обожествляли люди, но люди обожествляли столько разных вещей, порой совершенно идиотских, что в таком определении нет никакого смысла. Давайте вспомним, что классификация не делается просто ради классификации – мы объединяем объекты по каким-то признакам для того, чтобы иметь возможность предсказывать свойства похожих объектов. И где эти признаки?

– Возможно, что классифицировать всё-таки получится, – возразил я, – если мы сможем получить больше информации об объектах классификации.

– Возможно, – неожиданно согласилась со мной Милана. – Вот только эти объекты совершенно не жаждут дать нам какую-то достоверную информацию о себе, а строить периодическую таблицу высших сущностей на основе сказок и легенд – это пустой труд, как мне кажется.

– Вы правы в том, что для каких-то обобщений у нас недостаточно информации, – неохотно согласился я. – Но что в таком случае вы можете сказать по нашей последней теме? В чём я ошибаюсь, говоря, что зверобогии произошли от животных?

– Во-первых, само название «зверобогии» слишком уводит в сторону. Давайте вспомним, как происходило образование подобных сущностей. Благодаря мутации в поле естественного источника животное могло постепенно развиваться в достаточно могущественную сущность. Интересный момент здесь состоит в том, что такие сущности далеко не всегда обретали разум. Мне точно известно, что довольно часто они так и оставались полуразумными. По сути, они являются просто хищниками более высоких планов. Подобную сущность вряд ли можно отнести к богам.

– Вряд ли, – не мог не согласиться я.

– Идём дальше. Довольно много подобных сущностей получилось из разнообразных ящеров, живших до Великого вымирания, случившегося семьдесят миллионов лет назад. Их, кстати, было очень много, потому что тогда Гея полностью спала, и источников Сияния хватало. Сейчас она, конечно, забрала все, или почти все, но к счастью, у нас появилась Сила.

– То есть сейчас Гея проснулась? – перебил я её.

– Нет, конечно, насчёт этого мы можем быть спокойны. Она будет спать ещё десятки или, скорее, сотни миллионов лет. Однако она понемногу обретает себя, и когда она окончательно проснётся, разумным существам, да и неразумным тоже, лучше быть от неё где-нибудь подальше. Но я продолжу с вашего разрешения. Возвысившиеся ящеры за эти семьдесят миллионов лет большей частью, конечно, погибли, но некоторые сумели выжить. Они очень далеко ушли по пути возвышения за это время, и нами совершенно не интересуются. Можно ли назвать их зверобогиями?

– Не думаю, что это слово будет здесь правильным, – признал я.

– За сотни миллионов лет огромное количество существ сумело в той или иной форме возвыситься, но с людьми контактировало лишь считанное число. Мы, пожалуй, могли бы назвать зверобогам их, но у нас кроме «во-первых» есть ещё и «во-вторых». Дело в том, что большая часть тех, кого называют зверобогам, произошла вовсе не от животных. Это были просто некие сущности, по каким-то соображениям принявшие именно такую форму. Причём некоторые из них произошли даже от людей, но отличить их от истинных зверобогов довольно сложно. Теперь вы понимаете, почему я говорю, что попытки классификации практически не имеют смысла?

– Исчерпывающее объяснение, спасибо, Милана, – поблагодарил я. – С вашего разрешения, есть ещё один небольшой вопрос, который возник у меня в недавнем разговоре с князем. Вы, возможно, заметили, что совсем недавно в окрестных землях вдруг возникла некая напряжённость, причём у всех одновременно – от империи до Хазарии.

– Нет, не заметила, – она покачала головой. – Я мало интересуюсь миром людей.

– Так вот, напряжённость возникла. И такое интересное совпадение – у всех затронутых стран один и тот же бог, или, по крайней мере, одна и та же священная книга.

– Бог христиан всё-таки Христос, а не Саваоф, – заметила Милана. – Впрочем, с некоторой натяжкой можно действительно сказать, что бог у них один. Но что из этого следует?

– У меня возник вопрос: не пытается ли их бог развязать религиозную войну?

– А зачем ему это? – с недоумением переспросила она.

– Ну, если представить, что последователи умирают во имя своего бога, то это же, по сути, будет добровольной жертвой, разве нет?

– Ах, вот что вы имеете в виду!

Милана надолго задумалась, забыв о своей чашке с чаем, и я терпеливо ждал результата её раздумий.

– Слишком много неизвестных, – наконец, сказала она. – Не надо преувеличивать значение подобной жертвы. Добровольная жертва на освящённом алтаре в церкви – то есть там, где сильно присутствие бога, – могло бы дать богу очень много, но просто гибель верующего где-то на поле боя вряд ли так уж для него ценна. Да и можно ли это назвать добровольной жертвой? Не думаю, что воин в пылу схватки особо думает о боге. Но главное состоит в том, что вы исходите из предположения, будто бог у них один и тот же, а это может быть не так – Саваоф иудеев совсем необязательно то же самое, что Аллах или христианский бог-отец. Одна и та же священная книга всё-таки недостаточное основание для такого вывода. К тому же, как я уже отметила, бог христиан – это Христос. Получит ли Саваоф хоть что-нибудь от жертвы Христу?

– Да, вопросов здесь хватает, – признал я.

– Заметьте, я не говорю, что это не так. Просто очень уж много у вас здесь допущений.

– А если попробовать спросить у Морены?

– А ей-то откуда это знать? – изумилась Милана.

– Ну... она ведь тоже богиня.

– Если так рассуждать, то её и спрашивать не надо, – с иронией сказала она. – У вас наверняка есть самая полная информация из дворов владык, вы ведь тоже человек, как и они.

– То есть у богов тоже вот так дело обстоит, как и у нас? – в замешательстве спросил я.

– Ну разумеется, – ответила она с интонацией родителя, отвечающего на глупый вопрос ребёнка. – С чего бы у них было иначе? Если в нашей Вселенной кто-то и обладает всезнанием, то разве что Сияние, но честно сказать, я так не думаю.

Глава 6

«Идти здесь трудно – в воздухе висит пыль, из-за которой тусклый свет лампочек почти ничего не освещает, и я постоянно спотыкаюсь о разный хлам, в изобилии разбросанный по неровному полу. Где-то совсем рядом стучат молотки, а чуть подальше слышится надрывный визг то ли пилы, то ли какой-то другой строительной машины. Нормально разговаривать невозможно, и мне приходится перекрикиваться с моим провожатым – серьёзным молодым мужчиной, который представился просто Алексом. Посмотрев на его перепачканное лицо под оранжевой строительной каской, я со смущением осознаю, что, скорее всего, выгляжу не лучше.»

– Сейчас перейдём в сектор один-четыре, там спокойнее, – ободряюще кричит он мне, заметив, как я морищусь от пронзительного звука.

В следующем секторе и в самом деле оказывается поспокойнее – в нём работают электрики, прокладывая толстые связки кабелей. Тишины здесь тоже нет, но по крайней мере, мы с Алексом уже можем общаться без крика.

– Так что здесь происходит, Алекс? – задаю я прямой вопрос. – Что вы здесь делаете?

– Пока что мы ведём предварительные работы, – отвечает он. – Выравнивание и шпаклёвка стен, выравнивание полов, и вообще удаление всего постороннего. Но на этом уровне выравнивать нужно совсем немного, в основном со стенами и полами работают на нижних уровнях. Я слышал, что там даже есть выходы в естественные пещеры, вот там-то и идут основные работы по выравниванию. Здесь такого совсем немного, больше хлопот с вывозом мусора, который остался от старых хозяев.

– И сколько же здесь уровней? – интересуюсь я.

– Не знаю, – отвечает он с извиняющимся видом. – У меня есть допуск на первые два уровня, а что там ниже – мне неизвестно. У нас излишнее любопытство не поощряется.

Я понимающе киваю – я и сама не раз слышала, как семейство Арди относится к излишне любопытным, и принимая задание редакции, очень надеялась, что моё журналистское любопытство не будет расценено как излишнее.

– А кто эти „старые хозяева“?

– Да кто здесь только не сидел, – небрежно машет он рукой. – Какие-то дельцы организовали подпольное во всех смыслах производство, причём не одно, много их здесь разных сидело. А в секторе один-пять, говорят, был воровской притон, беглые там скрывались, там же большой склад краденого нашли.

– И что с ними стало?

– Дельцов просто выселили – дали им время съехать и вывезти своё оборудование. А ворья задержали и сдали страже вместе с краденым барахлом.

– Не боитесь, что воры отомстят?

– Отомстят нам? – он смотрит на меня с искренним удивлением. – Пусть попробуют, интересно будет на это посмотреть. Такое дело можно только приветствовать – думаю, у нас в Новгороде преступников сразу убавится.

Я, пожалуй, тоже не поставила бы на воров. Как мне по секрету рассказали коллеги из Рифейска, после того как местные бандиты имели неосторожность повздорить с ненадолго заехавшим туда Кеннером Арди, уровень преступности в Рифейске упал до нуля, зато кладбище заметно увеличилось. Но здесь я усилием воли заставляю себя замолчать – несчастливый опыт некоторых моих коллег свидетельствует, что клеветнические заявления в отношении семейства Арди совсем не способствуют долгой жизни. Впрочем, кое-кому из них пришлось

на себе убедиться, что и неклеветнические здоровья тоже не всегда добавляют. Одним словом, „*Silentium est aurum*“⁷.

– Раз уж она так хорошо знает, что молчание – золото, то могла бы и помолчать, – недовольно заметил я. – Этим писакам обязательно надо как-нибудь, да ткнуть.

– Работа у них такая, – меланхолично заметила Мира. – Им же надо обязательно вызывать хоть какие-то эмоции, иначе читатель заскучает. Прикажете сказать ей, чтобы больше так не писала?

– Не надо этих пресловутых разговоров от Кельмина, – недовольно ответил я. – Она такой разговор пока ещё не заработала, да и вообще, не стоит лишний раз подтверждать глупые слухи.

– Я, вообще-то, и не имела в виду какие-то силовые действия, – пожала она плечами, – тем более, я сама давала согласие на публикацию. А от этих слухов польза всё-таки есть.

Я только поморщился в ответ на это заявление и продолжил читать дальше.

«... Прошное, конечно, представляет интерес, но меня, как и всех читателей, больше интересует будущее. Что ценного можно извлечь из старых фабричных корпусов и воровского притона? Судя по масштабам подземной стройки, здесь будет что-то неординарное, но что же именно? Не будет преувеличением сказать, что последние несколько месяцев это является главной темой разговоров в столице. Загадку старого фабричного городка не сумел заслонить даже последний скандал в Софьинском оперном, когда примадонна Лиза Карн прямо со сцены швырнула обручальное кольцо в лицо своему постоянному любовнику Хенрику Эклунду, сидевшему в первом ряду – и поразительно удачно попала.

Немного поколебавшись, Алекс всё же решается ответить:

– Официально это пока не объявлялось, но секретом это всё же не считается. Здесь будет особо защищённое хранилище. Ну и всё, что положено: бронешлюзы, пулемёты, бойцовые крокодилы...

– Крокодилы? – мне кажется, что я ослышалась.

– Я тоже в это не очень-то верю, – смущённо говорит Алекс. – Мне так сказали, но может быть, и пошутили. Что там будет на самом деле, никто не знает, а кто знает, тот не скажет. Ясно только, что защита там будет такая, что остановит любой иштурм».

– Что это за чушь насчёт крокодилов? – не выдержал я, с изумлением глядя на Миру.

– Госпожа Кира посоветовала пустить такие слухи, – спокойно ответила она. – Она сказала, что вы сами говорили ей про крокодилов.

– Но я же просто пошутил! – возмутился я. – И Кира прекрасно знает, что это была шутка!

– Наши специалисты решили, что это отличная мысль, – пояснила Мира. – Такие вот абсурдные вещи сразу привлекают внимание и западают в голову. Никто, разумеется, не поверит ни в каких крокодилов, но при этом в памяти обязательно отложится мысль, что в нашем хранилище будут совершенно неординарные меры защиты.

Вот так в мире и рождаются маркетологи – неужели я сам, случайной шуткой, принёс сюда Зло? Хотя здешние, конечно, рано или поздно додумались бы до такого и сами, но какая-то доля вины будет и на мне. В чём, в сущности, состоит работа маркетолога? Он должен заставить человека потратить свои деньги на ненужные ему вещи – ведь на нужные тот прекрасно потратит и сам безо всяких маркетологов. Можно ли назвать такое занятие достойным? Мне всё же кажется, что оно не так уж далеко ушло от мошенничества.

– Знаешь что, Мира, – вздохнул я, – что сделано, то сделано, но в дальнейшем лучше избегать подобных приёмов.

– Но почему, господин? – с недоумением спросила она. – Что в этом плохого?

⁷ *Silentium est aurum* (лат.) – Молчание – золото.

– Здесь всё действительно выглядит достаточно безобидной шуткой, – согласился я. – Но используя такие приёмы, очень легко перейти грань, за которой мы совершенно незаметно для себя начнём делать то, что закон определяет как неявное понуждение. Конечно, уложение «О честной торговле» направлено прежде всего на купцов, но тем позорнее будет для нас под него попасть. А ещё при некотором желании подобные приёмы можно подвести под категорию ментального воздействия – с очень большой натяжкой, разумеется, но кое-какие доброжелатели такую натяжку сделают с радостью. А это уже совсем не шутка – даже если расследование нас оправдает, грязью нас успеют обмазать с ног до головы. Да и вообще такое расследование нас не украсит... ну знаешь ведь, как люди запоминают подобные вещи – то ли они украли, то ли у них украли, но была там с ними какая-то грязная история.

– Я поняла, господин, – кивнула Мира, делая запись в своём блокноте. – Этого больше не повторится.

«... Насчёт того, что взять это подземелье штурмом никому не удастся, у меня нет никаких сомнений – даже сейчас, когда здесь нет ничего, кроме мусора, нам пришлось пройти через три поста, и на каждом из них наши вещи досмотрели, а наши личности тщательно проверили.

– А что насчёт подкопа? – спрашиваю я, вспомнив нашумевший случай ограбления псковского Крестьянского банка.

– Это абсолютно исключено, – решительно отмечает такую возможность Алекс. – Все внешние стены, а также полы и потолки будут обработаны Владеющими рода Ренских. По договору они гарантируют прочность, эквивалентную как минимум сажени фортификационного бетона. Такую стену можно будет пробить только направленным взрывом, но вы сами можете легко себе представить, как на такое событие отреагирует охрана.

– И боевые крокодилы? – пытаюсь поддеть его я.

– И они в первую очередь, – ничуть не смущается Алекс.

– Но к чему вся эта защита? – задаю я главный вопрос, не особенно, впрочем, надеясь на ответ. – Что семейство Арди собирается здесь прятать?

Алекс только улыбается, разводя руками.

– Не имею ни малейшего представления, – отвечает он. – Этот вопрос надо задавать кому-нибудь повыше. Но даже если здесь и будут храниться какие-то ценности Арди, то главное назначение хранилища состоит не в этом. Прежде всего семейство планирует сдавать места для хранения в аренду любому желающему.

– И вы полагаете, что люди будут доверять свои ценности вашему семейству? – скептически спрашиваю я.

– А вы доверили бы?

– Скорее всего, да, – после некоторого раздумья признаю я.

И в самом деле, если уж люди доверяют свои деньги и ценности банкам, которые совершенно ни за что не отвечают, то с чего бы они не стали доверять Арди, репутация которых не в пример выше, и которые наверняка возместят любой возможный ущерб?

– Вот и я тоже думаю, что проблем с доверием у семейства Арди не будет, – соглашается со мной Алекс. – Пока что я не имею права сообщать какие-то детали, но могу ответственно заявить, что мы не будем полагаться исключительно на доверие. У наших клиентов будет полная гарантия конфиденциальности, а наши сотрудники не будут иметь никакого доступа к их хранилищам.

Похоже, что загадка, несколько месяцев волновавшая столичное общество, наконец-то полностью разрешилась. Нежелание снабжать возможных грабителей планом хранилища и описанием его охраны выглядит совершенно логичным обоснованием для всей той секретности, что с самого начала сопровождала этот проект. Договариваясь о визите, я, конечно, надеялась на более захватывающее объяснение – не буду перечислять ходившие по столице

версии, некоторые из которых поистине потрясали воображение, – однако то, что я получила в результате, выглядит пусть и немного скучновато, но всё же вполне убедительно. Не сомневаюсь, что нашим читателям будет интересно узнать, как семейство Арди справится с поставленной задачей, так что, возможно, через год наша газета направит им просьбу о новой экскурсии».

– Ну, в целом неплохо, – неохотно признал я.

– Хорошо пишет, – подтвердила Мира. – И берёт в меру, цену не задирает. Первый гоно-рар она отработала отлично, всё сделала, как мы заказывали. Я включила её в наш постоянный список корреспондентов, будем работать с ней и дальше.

– С этим ясно, – подытожил я. – А что у нас с подготовкой к аукциону?

– Там всё прекрасно, – заверила меня Мира. – Нам даже не нужно платить газетчикам, они сами наперебой подогревают интерес общества. Хотя все и так убеждены, что лавка семейства Арди не может быть чем-то заурядным. А когда мы официально подтвердили, что купили очень дорогое помещение и делаем там роскошную отделку для того, чтобы продать единственное украшение, газетчики будто с ума сошли. Меня такой ажиотаж уже пугает. Мы точно сможем обеспечить то, что обещали?

– Бажан Второв клянётся, что всё будет нормально. Большую часть он уже делал практически, а на остальное у него есть хорошие теоретические наработки. Кроме того, я оплатил консультацию Януша Ожеховского – это Старший ремесленник, он делал кое-что для нас с Леной, и ценник у него... В общем, пан Януш заверил меня, что Бажан всё делает правильно, и неожиданностей быть не должно. Мать я тоже привлёк – она проверила свойства артефакта и сказала, что всё хорошо. Ну, хоть она нам счёт не выставила.

– Рада это слышать, – с явным облегчением сказала Мира. – Мы очень многое поставили на успех, и если что-то не заладится, то от нашей репутации просто ничего не останется. Ожидания публики слишком велики, и любую накладку запомнят надолго, так что я очень беспокоилась. Мне, кстати, только что доложили, что к предмету аукциона частным образом выразили интерес представители Бронислава Смоленского.

– А князю Смоленскому-то это зачем?

– Мне по секрету рассказали сплетню, что у Бронислава вышла серьёзная размолвка с княгиней...

– И он хочет помириться, подарив ей что-нибудь этакое, – понимающе кивнул я. – Нет, никакой приватной информации мы не дадим, и никакой закулисной сделки не будет. Всё, на что он может рассчитывать – это участие в аукционе на анонимной основе.

– Я им в точности такой ответ и передала, – улыбнулась Мира.

* * *

Диорит вывернул из бокового коридора совершенно неожиданно. Встреча была неприятной – Кальцит его особенно не любил. Диорит был главой клана Ходящих и был чем-то вроде знамени фракции консерваторов, выступающих против любых контактов с наружниками. Собственно, Ходящие меньше всех прочих кланов нуждались в этих контактах, так что радикально-консервативные взгляды их главы были совершенно естественными. Само по себе это вряд ли могло быть поводом для нелюбви – общество рифов вообще придерживалось крайне консервативных взглядов, – но Диорит считал Кальцита слабаком, продавшимся наружникам за обещание похлёбки, и охотно знакомил со своим мнением всех желающих и нежелающих.

Обычно Кальцит его просто игнорировал, но не так давно ему пришлось попросить у Диорита Слезу Пожирателя, чтобы выполнить заказ Кеннера Арди. Слезы были крохотными кристалликами, изредка появлявшимися на стволах Пожирателей Душ. Ходящие собирали их для торговли с нижними карлами, которые сами не могли приблизиться к логову Пожирате-

лей из-за того, что имели души. А ещё эти кристаллики использовались, чтобы преобразовать обычную платину в монокристалл, обладающий некоторыми свойствами сатурата – именно это и требовалось для заказа Арди. Слезу Кальцит получил, заказ выполнил, а сейчас неуклонно приближался срок оплаты, и игнорировать Диорита уже не получалось.

– Как дела, брат Кальцит? – ехидно поприветствовал его Диорит. – Расплатились с тобой наружники?

– Хорошо дела, брат Диорит, – мрачно ответил тот. – Расплатятся.

Этот вопрос мучил и его самого. В целом, Кеннер Арди вызывал доверие – когда Кальцит с ним разговаривал. Но стоило тому скрыться с глаз, как Кальцита начинали посещать мрачные мысли. Наружникам нельзя доверять никогда и ни в чём – это основное правило, которое вбивается в подгорников с детства. Однако сам Кальцит довольно долго жил в Рязани, и столичный город заставляет взглянуть на жизнь немного шире. С явной неохотой он в конце концов был вынужден принять факт, что, во-первых, наружники бывают разные, а во-вторых, сами подгорники ведут себя с наружниками ничуть не лучше, так что кто бы жаловался.

Как бы то ни было, подобные соображения хороши, лишь когда они не касаются непосредственно тебя самого. Вот и Кальцита совершенно не утешали мысли, что наружники, по сути, ничем не хуже самих рифов. Слезы Пожирателей были очень дороги, и если Кеннер Арди вдруг решит отказаться от своих обязательств, расплачиваться придётся всему клану Созидających, и расплачиваться придётся долго. А о том, что при этом будет с самим Кальцитом, даже думать не хотелось.

– Слишком ты всё-таки доверчивый для старейшины, брат Кальцит, – покачал головой Диорит. – Ничего, мы тебя от излишней доверчивости вылечим. Мы уже обсуждали это с братьями – если не расплатишься вовремя, уменьшим твоему клану грибную норму. Пока не расплатитесь, поголодаете немного, зато хорошо запомните, как это – быть дураками и работать даром на минимальной пайке.

– Вы же сами собрались продавать сплавы Ренским, – хмуро напомнил Кальцит. Слова Диорита неприятно гармонировали с его собственными мрачными мыслями.

– Во-первых, не мы, а Формирующие с Открывающими это затеяли. А во-вторых, они продавать хотят, а не отдавать даром. А ты просто так отдал, ничему не научил тебя прошлый случай.

Внутри Кальцита начала клокотать глухая злоба.

– Хороший ты мастер, брат, тут возражений нет, – с издёвкой продолжал Диорит, – но в старейшины рано тебя клан избрал. Молод, глуп, и клан подводишь.

Кальцит вздохнул и резким ударом в челюсть заставил Диорита отлететь к стене и сползти по ней. Несколько секунд тот сидел на полу, затем, опираясь о стену, поднялся на ноги, помотал головой, прогоняя остатки мути, и широко ухмыльнулся.

– Отличный удар, брат! – сказал он, разминая кулаки.

– За пятнадцать минут управимся? – озабоченно спросил Кальцит, вставая в бойцовскую стойку. – А то меня люди ждут.

– Ха! – пренебрежительно ответил Диорит. – Я тебя за пять минут уработаю.

И стремительно прыгнул к Кальциту, выбрасывая вперёд кулак.

* * *

Кальцит быстрым шагом шёл по коридору, потирая отзывающуюся болью челюсть – опаздывать не хотелось, но скорее всего, опоздать придётся. Как-то не вовремя подвернулся Диорит. Очень к месту, но совсем не вовремя.

Наружники считали подгорных невоспитанными грубиянами, но они просто не понимали, почему подгорники так себя ведут. По странному выверту эволюции у подгорного народа

на двух мальчиков рождалась только одна девочка, и это во многом определило психологию народа. Женщин очень берегли, и крайне редко и неохотно отпускали из племени. А избыток мужчин раса компенсировала неумеренной агрессивностью – слабые при этом погибали, и женщины доставались сильнейшим. К тому же агрессивность очень помогала племени выживать в Нижнем мире, где пацифистов просто и без затей съедали.

В результате регулярные драки были обязательным элементом жизни подгорников. Если долго не удавалось спустить напряжение в драке, то это выливалось в глухое раздражение, причину которого наружники не понимали. Казался им диким и обычай старейшин решать все вопросы с неременной дракой – а с кем же ещё им драться? С обычным кланером старейшине драться не подобает.

Кальцит откинул полог и стремительно вошёл в комнату, где сидели заждавшиеся его хозяйственники клана.

– Прошу прощения за опоздание, – извинился он. – Диорит задержал.

Все дружно сморщились – Диорит успел достать уже всех.

– Он уговаривает кланы перевести нас на сниженную грибную норму, – недовольно заметил Алунит, главный интендант. – Говорит, что нас наружники и так прокормят. Многим эта идея нравится, в общих кладовых грибов маловато. Они пока не могут придумать для этого обоснование, но со временем обязательно придумают.

– А у нас как с едой? – хмурясь поинтересовался Кальцит.

– Да так же, как и у всех, – хмыкнул Алунит. – Еды мало, народа много. Если кланы нам действительно норму урежут, будут проблемы.

Кальцит помрачнел ещё больше. Один и тот же разговор повторялся из дня в день, как будто из разговоров могли вырасти грибы. Еды эти разговоры не добавляли.

– Старейшина Кальцит здесь? – от двери раздался детский голос. Пацан лет десяти просунул голову в комнату и с интересом разглядывал обстановку.

– Чего тебе, малец? – раздражённо рявкнул Кальцит. Драка помогла совсем ненадолго, глухое раздражение опять начало накапливаться.

– Там наружники на баллоне прилетели, старейшину Кальцита спрашивают. Говорят, привезли что-то.

Выпалив это, мальчик мгновенно исчез. Кальцит с недоумением посмотрел на своих хозяйственников, но те не торопились развеять его недоумение, а с таким же непонимающим видом смотрели в ответ.

– Что они привезли, старейшина? – спросил Алунит.

– Не знаю, – Кальцит по-простецки почесал затылок. – Пойдём посмотрим.

* * *

Дирижабль был огромен. Привычный рифам курьер на соседней мачте выглядел почти игрушечным. А ожидающим Кальцита наружником оказался толстенький человек с лицом проныры – словом, типичный снабженец.

– Господин Кальцит? – вежливо поклонился он.

– Просто Кальцит, – в замешательстве ответил тот.

– Как пожелаете, почтенный Кальцит, – согласился наружник. – Меня зовут Натан Гусев, по распоряжению господина Кеннера Арди я доставил вам партию продовольствия в счёт предстоящей выплаты.

– А если мы потом откажемся зачесть это в счёт выплаты? – мгновенно оживился интендант. – Наш договор не предусматривает предоплаты в натуральной форме.

– Помолчи, Алунит, – резко оборвал его Кальцит.

– С вашего разрешения, почтенный Кальцит, я всё же отвечу, – широко улыбнулся Гусев. – Наши сотрудники действительно указывали господину Кеннеру на такую возможность. Однако господин заявил, что он вполне доверяет почтенному Кальциту и готов рискнуть.

– Мы не откажемся, – твёрдо заявил Кальцит. – Так что вы нам привезли?

– Продукты длительного хранения, – начал перечислять Натан. – Мука, крупы, сыры, сливочное и растительное масло, сухое молоко, копчёная рыба и мясо, разные консервы. Тридцать две позиции, около восьми тысяч пудов. Извольте распорядиться принять.

Интендант схватился за голову и застонал.

– Куда мы всё это сложим? У нас в кладовых столько места нет.

– Сложим пока в мастерских, – прикинул Кальцит, – а мастерам дадим выходной на два дня. Пока народ гуляет, расплатимся с Ходящими за Слезу, грибы передадим в общие кладовые, вот место и освободится. Давай, Алунит, гони сюда всех с тележками и сразу организуй учёт. Прав был Арди, надо начинать строить ко входу дорогу для вагонеток.

– А ещё господин распорядился прислать вам пятьдесят экземпляров кулинарной книги, – с улыбкой добавил Натан. – А то ваши хозяйки, может, и не знают, что с мукой делать. Это за наш счёт, подарок от семейства.

Глава 7

В пятницу мы решили, наконец, сходить в «Цыплёнка», пообщаться с одноклассниками. На занятиях общаться обычно некогда, вот и встречались в трактире – я уже давно зарезервировал там наш столик на каждую пятницу, а раз в месяц трактир просто присылал мне счёт за съеденное и выпитое. Мы с Ленкой бывали там не очень регулярно, зато Сельковы пятничные посиделки никогда не пропускали, да и Анета тоже частенько заходила. Подружек в своей группе она так и не завела, и я понимаю причину: наследница Тириных совсем не ровня простым родовичам. У меня ведь та же самая проблема – сверстники не могут вести себя со мной на равных из-за разницы в положении, а прилипалы мне самому не нужны. Мне кажется, Алина в своё время подружилась с Драганой как раз потому что Драгане было вообще плевать на чьё-то положение. Судя по редким оговоркам людей, её хорошо знающих, в молодости она была изрядной оторвой. Впрочем, почему только в молодости?

Встретили нас радостно, а особенно обрадовалась Анета, которой общаться с семьёй Сельковых было откровенно скучновато.

– Наконец-то вы появились, – с улыбкой сказала Анета. – Мы вас уже заждались.

– Прошлую пятницу совсем некогда было, – извиняющимся тоном сказал я. – И позапрошлую тоже. Отправляли дружину в империю, хлопот всем хватило выше крыши.

– Ренские вам тоже своих ратников дали? – с утвердительной интонацией спросила Анета.

– С ними как раз больше всего хлопот и было, – с досадой ответил я. – Они совсем не понимают, как у нас дела делаются, а наши командиры толком не знают, как их использовать.

– А у Алины ты почему не стал ратников просить? Она бы наверняка дала.

– А вам-то это зачем? – удивился я. – От Ренских это было совершенно ожидаемо – они же близкие родственники с имперскими Арди, даже ближе, чем мы. Бернар, глава того семейства – двоюродный брат Ольги и Стефы. Вот Ренские и показали всем, что они помнят о родстве и готовы их поддержать. А чисто в боевом плане их полк большого значения не имеет... небольшое подразделение⁸, у которого никак не отработано взаимодействие с нашими, и для которого у нас нет подходящей тактики – какой с него толк? Какое-то применение ему найдём, конечно, но если придётся драться с регулярными войсками Оттона, то этот полк ничего не решит. Слишком большая у нас с Баварским разница в силах. Как сказал один франкский король: «Бог помогает большим полкам⁹».

– Это в том случае, если с этим полком не поехал кто-то из сестёр Ренских, – резонно заметила Анета. – Или даже обе.

– Совершенно верно рассуждаешь, – одобрительно посмотрел на неё я.

– А разве Высшая может поехать воевать в другую страну? – с недоумением спросила Дара, переводя взгляд с меня на Анету. – Никогда про такое не слышала.

– Высшая может сделать всё что угодно, кто ей запретит? – ответил я. – Так не принято делать, но это скорее что-то вроде неформальной договорённости. Если она посчитает нужным поехать, то поедет.

– То есть Высшие Ренских поехали в империю? – переспросила Дара.

– Я не знаю, а Кеннер не скажет, верно? – улыбнулась мне Анета. – И думаю, что даже если Ренские остались в Новгороде, в ближайшее время их никто не увидит.

⁸ Здесь стоит напомнить, что полк там примерно равен нашему батальону.

⁹ Кеннер здесь слегка искажил знаменитое изречение маршала Жака д'Эстампа де ла Ферте «Бог всегда на стороне больших батальонов», которое ошибочно приписывается Наполеону. Впрочем, Вольтер говорил: «Бог не на стороне больших батальонов, а на стороне лучших стрелков». Скорее всего, кто победил в результате, на той стороне Бог и был.

Я просто молча и со значением улыбнулся в ответ. Она совершенно права – сёстры Ренские в последнее время действительно как-то исчезли из виду. Ехать они не хотели, чтобы не нарушать договорённости, пусть и неформальные, но герцогу Баварскому сильно добавили сомнений. С печалью должен заметить, что сам я не сразу догадался, что задумали Ольга со Стефой. Сёстры наверняка считали, что для меня, такого умного, всё очевидно, но дошло это до меня значительно позже. А вот Анета сразу всё поняла – и что в этом удивительного? Алина её с детства воспитывала как преемницу, а я рос как трава луговая. Иногда я жалею, что у нас никак не выйдет принять Анету в семью – с её умом она была бы для нас невероятно ценным приобретением. Но кто ж такую отпустит.

– Ладно, что мы всё не о том, – сменил тему я, а Анета понимающе усмехнулась. – Как вы на практику съездили?

– Я никуда не ездила, Алина меня дома оставила, – отозвалась Анета. – Помогала ей.

Любопытно было бы узнать в чём именно помогала – явно же не стряпать, и не дом убирать. Но спрашивать бесполезно, конечно, она ничего не скажет.

– А нас опять в княжескую дружину загнали, – хмуро сказал Иван.

– Ну, логично, – заметил я. – Куда же ещё боевиков посылать?

– Нас к подразделению обеспечения прикомандировали, – с отвращением пояснил Ваня. – Это издевательство какое-то. А можно будет следующую практику проходить у вас в дружине?

– Интересная мысль, – озадачился я. – Вообще-то для боевиков не принято проходить практику в частных отрядах, но с другой стороны, вы ведь уже заключили с нами контракт, так что вполне логично и практику у нас проходить. Мне кажется, этот вопрос можно будет как-нибудь уладить.

– Они и не скрывали, что нас туда засунули из-за нашего контракта, – заметил Иван. – Мы для них были посторонними, они нас ничему учить не хотели.

– Да понятно, что это всё из-за вашего контракта, – кивнул я. – Хорошо, мы выясним этот вопрос, тем более что практика боевиков в хозяйственном подразделении – это и в самом деле издевательство.

– Ещё один интересный момент, Кеннер, – вмешалась Дара. – Наше подразделение обслуживало в том числе девяносто пятый полк, и мы там кое с кем познакомились.

– А что за девяносто пятый полк? – переспросил я.

– Он как раз из княжеских элитных частей, – пояснила она. – Ничем не уступит вашей дружине, разве только оснащение там чуть похуже. Так вот, ребята там в один голос говорили, что скоро будут воевать. И они не сами это придумали – их командование к этому готовит.

– А с кем княжество собралось воевать? – в полном недоумении спросил я.

– Мы думали, что ты нам скажешь.

– Нет, я в первый раз об этом слышу, – покачал я головой. – Некоторая напряжённость в мире действительно имеется, но до войны, насколько я знаю, пока далеко.

– Значит, не знаешь, – разочарованно сделала вывод Дара. – Ну ладно, а у вас что за практика была?

– В Рифеи летали с Высшими, – небрежно махнул рукой я. – Мы там с местными карлами познакомились. Но это совсем недолго было, у нас практика очень быстро закончилась. Зато потом князь нас всё лето с поручениями гонял.

– Везёт вам, – с завистью вздохнул Иван. – Интересно провели лето, пока мы на складе кальсоны пересчитывали. Тоже как бы княжеское поручение, но есть некоторая разница. Нет, Кеннер, что ты ни говори, а всё-таки положение очень много вам даёт.

Я только пожал в ответ плечами. Даже не собираюсь спорить, тем более это чистая правда – положение действительно очень многое нам даёт. Правда, оно от нас ещё больше требует, но кого это интересует? Условный человек из народа видит мой дорогой костюм и роскошный

лимузин, и совершенно не собирается задумываться, чем я за это расплачиваюсь. Он просто хочет того же самого, но безо всяких обязательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.